

*Натаалья
Эсина* Я
НАРИСУЮ
СИМФОНИЮ
НЕБА

Ангел рядом.
Стоит только оглянуться

18+

«Музыкальные истории» Натальи Есиной

Наталья Есина

Я нарисую симфонию неба

«Автор»

2020

Есина Н.

Я нарисую симфонию неба / Н. Есина — «Автор»,
2020 — («Музыкальные истории» Натальи Есиной)

ISBN 978-5-532-95800-5

После трагедии на озере Альбина впадает в депрессию и перестает рисовать: в каждом наброске видит страшное лицо утонувшего на ее глазах ребенка. По совету подруги поступает в кулинарный техникум. На практике знакомится со Стасом, талантливым пианистом и композитором, после аварии потерявшим способность писать музыку. Пятилетний сын Стаса, Егорка, как две капли воды похож на утонувшего мальчика. Постепенно Альбина и Стас понимают, что их встреча неслучайна.

ISBN 978-5-532-95800-5

© Есина Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	18
Глава IV	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Есина

Я нарисую симфонию неба

Глава I

Альбина проснулась с радостным чувством, как в детстве. Вот-вот раздастся шорох за дверью и войдут родители, папа произнесет торжественную речь, а мама вручит подарок...

За окном вовсю хозяйничало солнце, здороваясь едва подрагивающей на настенном ковре тенью от ветки.

«Неужели ветер? Так некстати. Чего доброго, погода изменится и испортит натуру», – сладко потянувшись, Альбина скинула пуховое одеяло, села и поежилась. Нашупала ногами вязанные тапки и вскочила с кровати. Торопливо накинула халат, подошла к окну, отодвинула кружевную занавеску и застыла. Прямо перед ней – руку протяни – на ветке рябины сидел снегирь. На фоне искристого снега нахохлившаяся птица с ярко красной грудкой смотрелась новогодней игрушкой.

«Пятно крови на белом, – всплыла не к месту мыслишка, а внутри колючкой шевельнулся страх. – Чушь какая... Кровь при чем?»

И тут же вспомнился детский стишок:

Я видал такую птицу,

Что теперь не спится мне.¹

«Ну и разгулялось воображение...» – Альбина обвела взглядом комнату. Какая досада: и карандаши, и блокнот остались на кухне.

Как ни старалась осторожничать, от движения шторы снегирь упорхнул, оставив после себя разбросанные на снегу обклеванные ягоды. Красные. На белом. Как капли крови...

Альбине стало не по себе:

«Что за фигатень в голову лезет?»

Она все рассчитала. На дорогу уйдет минут двадцать пять. Место присмотрела в прошлый приезд. Сходство потрясающее! Обойти деревню со стороны леса, дальше небольшой пригорок, за ним пологий спуск к редкому молодому березняку. Деревянный мостик через петляющую замерзшую речушку со смешным названием Братик и, сквозь заросли сухого тростника и рогоза, выход к озеру.

Сегодня она осуществит давнюю мечту – напишет с природы озеро, похожее на *то самое*. Уверена, что напишет не хуже. Главное, со светом не прогадать: мартовское солнце капризно, и важно успеть схватить соотношение цвета и тона. На все про все будет часа два. Дальше писать бесполезно: со сменой освещения изменится и пейзаж. Благо, есть мобильник. Альбина всегда делала снимки, чтобы уже дома доработать детали.

Шесть лет назад, впервые увидев «Озеро» Левитана на выставке в Третьяковке, она твердо решила: станет художницей. Картина будоражила, как будто с ней было что-то связано – в прошлом или будущем – этого пока понять не могла.

С тех пор часто рисовала *свое* озеро во сне. Просыпаясь, пыталась уловить зыбкое состояние запоминания образа. От сосредоточенности ум превращался в решето, и важные мысли утекали, не поддаваясь осознанию.

¹ Агния Барто, «Снегирь»

Альбина снова и снова делала эскизы. За этот год отточила мастерство так, что даже отец, наблюдая за ее работой, воскликнул:

– О, левитановская манера! – поставил посреди комнаты стул, сел, и, подперев рукой голову, задумчиво рассматривал картину на мольберте. Потом вскочил и побежал на кухню, где мама накрывала к обеду. Альбина осторожно вышла в коридор и прислушалась к гудению отцовского баса.

– Алька-то у нас и впрямь гениальная дочь! Слышишь, мать! Это ж надо же! Левитана...

Мамины слова Альбина не разобрала. Скорее всего, похвала наткнулась на ее ворчание, потому что ответ отца прозвучал с ноткой возмущения:

– Ай, ничего ты не понимаешь в искусстве!

Наскоро позавтракав мамиными блинчиками, заботливо упакованными в судок, Альбина выпила большую кружку кофе с молоком – уф, многовато, но ничего: впереди долгая прогулка и работа на морозе. Подошла к окну, подула на замысловатый узор на стекле и в оттаявшем кружке рассмотрела градусник. Ого, минус пятнадцать! Надо утепляться. Вернулась в спальню, выложила из шкафа на кровать термобелье и свитер из грубой овечьей шерсти. Сверху комбез, на ноги шерстяные носки и угги.

«О, нет! Забыла угги! И как теперь в кроссовках на морозе? Вот дурища! Придется доставать из кладовки отцовские валенки... Мамочки! Лишь бы мышей не было, как в прошлый раз... – Альбина нашла среди старых тулупов и шапок, пропахших нафталином, папины валенки. Обула и с трудом на ногах удержалась: – Жесть... Так, наверное, чувствовал себя Нил Армстронг, делая первые шаги по поверхности Луны. Калошами по деревянному полу шаркают, еще и сбежать норвят, и ноги в них не сдвинешь...»

Прихватила лежащие стопкой у печи старые газеты, развернула и скомкала несколько листов. Запихнула вглубь валенок:

«С двойными носками сойдет... Теперь этюдник», – плотно закрутив пузырек с разбавителем, обернула ветошью.

Масленка, простые карандаши, блокнот. Отковыряла мастихином небольшой засохший комочек на деревянной палитре и прикрыла ею тюбики с краской, чтобы не громыхали при ходьбе. Сняла резинки с кассетника², проверила, хорошо ли держится картон. В большой холщовый рюкзак сложила этюдник, термос, запихнула фартук. Затянула шнуровку, перенесла все на веранду к дверям. Из шкафа достала овчинную безрукавку и шапку ушанку:

«Баба на чайник. Зато не замерзну. Телек, вода, электричество – выключила. Мобильник в кармане», – с трудом вдела руки в лямки рюкзака, повесила на плечо кассетник, завязала под подбородком шапку. Натянула толстые варежки с откидным верхом и вышла на крыльцо.

От яркого солнца слезились глаза. Небо чистое, ослепительно голубое. Иней всюду: на ветвях, стволах деревьев, на домах, заборах. Глубокий вдох, и в нос впилась мелкие иголки. Альбина тяжело протопала к калитке. Надо поторопиться: в отцовских валенках дорога может занять больше времени.

На улице пусто. Попрятались все от холода. Она шла вдоль высокого металлического забора, объединившего несколько дач. Эта часть деревни выросла лет пятнадцать назад. В то лето сгорели старые пустующие дома, и на их месте постепенно построились дачники. Директор галереи, в которой выставлялся отец Альбины, предложил и ему приобрести участок.

Мечта о собственном загородном доме с мастерской давно грела творческую отцовскую натуру. Он продал гараж, занял недостающую часть денег у знакомых, и десять соток под «родовое семейное гнездо Никитиных» – так в шутку отец называл свои владения – стали

² Кассетник/переноска – приспособление для переноски свежих этюдов

достоянием семьи. Пришлось, правда, вытерпеть девятибалльный шторм в лице мамы: она хранила в гараже заготовки на зиму. Но отец договорился с соседом и в тот же день перенес банки с соленьями-вареньями в его погреб.

Мама демонстративно не казала нос на стройку. Не захотела даже отцовский проект смотреть. Но, приехав однажды на шашлыки, увидела аккуратный двухэтажный дом из клееного бруса, да еще с верандой и подвалом, и зачастила сюда. Самозабвенно копалась на грядках. Посадила вдоль забора смородину, в теплицах выращивала огурцы и помидоры, а на ее розовые кусты приходили поглазеть деревенские матроны. Постоят – руки в боки – и с завистливым вздохом расходятся.

Забор из гофрированных железных листов мама попросила заменить на невысокий, деревянный:

– Нечего прятаться от людей, как какие-то буржуи. – Когда приезжали гости, объясняла дорогу так: – От клуба прямо, у магазина – налево, а там нас любая собака узнает: втемяшило же Андрею в голову изгородь разрисовать.

Отца работа на земле не привлекала. Он занимался обустройством дома и творчеством. Мастерская на втором этаже с окнами на пруд казалась тесной из-за беспорядочно расставленных гипсовых фигур. Стол завален эскизами. В углу – небольшой диванчик.

В хорошую погоду отец выносил мольберт или станок с проволочным каркасом на заливную бетоном площадку за хозблоком. Досталась она отцу не так-то просто. Эта история, со вкусом рассказываемая за каждым застольем, стала семейной байкой...

В первое лето на даче родители поссорились из-за ерунды и неделю не разговаривали. Солнечным утром отец решил поработать на свежем воздухе и облюбывал место между теплицами. Вынес ведро, гипсовую смесь и пошел за шлангом с водой. Мама мыла посуду на веранде. Как только отец скрылся за домом, она пулей метнулась к ведру, пнула его, с кряхтением отодвинула мешок с гипсом и принялась на этом клочке земли высаживать чеснок.

Отец, увидев ее выходку, хмыкнул, перенес гипс с ведром к саженцам антоновки и, беззаботно насвистывая, занялся делом.

На следующий день он нашел свои заготовки для отливок между забором и кустами смородины. Земля под яблонями вскопана, а на колышках болтались пакетики с картинками белого клевера.

Отец заперся в мастерской и просидел там без обеда и ужина назло матери: он прекрасно знал, как для нее важно накормить домочадцев. Мама нарочито громко гремела тарелками в гостиной. Принесла и поставила перед закрытой на ключ дверью заботливо накрытый салфеткой сотейник с рагу, но отец так и не вышел.

Ночью крадучись спустился на кухню, костеря скрипучие ступени. Не включая свет, открыл холодильник, потянул на себя палку колбасы, и задел стоящую на кастрюле тарелку. Злосчастная посуда полетела на пол и разбилась. В ту же минуту зажегся свет, и на кухню влетела мама. Растрепанные волосы, глаза открыты во всю величину, в одной руке – кочерга, на другой болтался наспех надетый халат. Несколько секунд отец смотрел на мать не мигая, потом оба расхохотались. За ночным чаепитием состоялось примирение.

Этим же летом отец сделал по просьбе мамы забавные садовые скульптуры бобров, кроликов и ежей. Сейчас их занесло снегом...

Из воспоминаний Альбину вывел громкий лай. Она остановилась. Вот разиня! Прошла поворот на центральную улицу. Поправив съехавший с плеча кассетник, повернула назад. Под ноги бросилась черная лохматая собака. От неожиданности Альбина вскрикнула и замерла. Собака тоже застыла на месте. Наклонила набок голову и уставилась на Альбину круглыми карими глазами.

– Ты чья? – Альбина подхватила поводок, волочившийся по снегу.

Собака повернула морду в сторону бревенчатого дома с покосившимся забором.

– А ты умная, правда?

Собака тряхнула головой, подошла к Альбине, села на задние лапы и вытянула шею.

– Хочешь, чтобы я тебя погладила?

Уши псины встали торчком.

– А хозяин не обидится? – Альбина огляделась – никого, и потрепала кудлатую холку. –

Порода у тебя непонятная.

– Дружок, ко мне! – раздался картавый детский голос.

Калитка дома, на который указывала собака, открылась, и на дорогу выбежал маленький мальчик. Серый комбинезон, такие же, как у Альбины, валенки с калошами, только на несколько размеров меньше. Из-под смешной полосатой шапки, похожей на носок, выбивались кудрявые пшеничные волосы, а красный шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи, свисал до колен. Увидев Альбину, мальчик в нерешительности остановился.

– Твоя собака? – Альбина улыбнулась и протянула поводок.

– Моя, – мальчик подошел ближе и добавил, не поднимая головы: – Мы дружим.

В доказательство его слов пес мягко вытянул зубами поводок из рук Альбины и отдал его мальчику.

Альбина засмеялась:

– Все понимает, – присела на корточки, обхватила морду собаки и почти коснулась ее носом.

Мальчик посмотрел на Альбину, и она обомлела. Столько раз рисовала глаза, что ей казалось, она знает о них все. Любое настроение могла передать легко, играючи, с поразительной точностью. Не важно, карандашом, акварелью или ручкой. Но глаза этого ребенка были необыкновенные. И даже не их синь поразила Альбину. Нет. Удивительно глубокие. Бездонные. Будто без зрачков. И очень странный взгляд: он никак не вязался с возрастом и одеждой. Так не смотрят маленькие дети, так взирают умудренные опытом старики. Смесь любопытства и грусти. Ощущение и пугающее, и, одновременно, внушающее жалость.

Придя в себя, Альбина спросила:

– Ты один тут?

– Бабушка в магазин пошла, а мама с папой на небе, – мальчик улыбнулся. Отсутствие двух верхних зубов придавало лицу милое очарование.

– А сколько тебе лет? – фраза о родителях заставила сердце Альбины сжаться.

Мальчик поднял руку в полосатой шерстяной варежке, под стать шапке:

– Уже пять! – сообразив, что пальцы не видно, стянул варежку, и она забавно повисла на резинке. – Вот сколько!

– А как тебя зовут?

– Симеон, – и добавил, понизив голос: – Бабушка говорит, что меня Бог слышит.

Собака гавкнула, завилыла хвостом, и, ухватив варежку Симеона, дернула, растянув и без того длинную резинку.

Альбина сдержала улыбку:

– Красивое имя. А я – Аля, – стряхнула с плеч Симеона снег. – Далеко от дома не уходи. И добавила, глядя на собаку: – А ты, Дружок, следи за хозяином.

Пес переступил с лапы на лапу и еще раз гавкнул. Симеон залез ему на спину, а Дружок зарычал и попытался стащить мальчика за штаны.

– До свидания! – Альбина помахала Симеону, прибавила шаг и через два дома свернула на центральную улицу.

Снег под ногами ритмично поскрипывал. Из носа вылетало облачко пара. Шустрая тень меняла форму и длину, ломаясь о фонари, крыши и заборы, превращаясь то в толстяка, то в худосочного верзилу.

У продуктового магазина собралась очередь из деревенских женщин. Они переминались с ноги на ногу и тихо переговаривались, натягивая на лоб пуховые платки.

Альбина завернула за угол и вышла на небольшую площадь, вспугнув голубей. Традиционная скульптура вождя в съехавшей набок шапке-пирожке из снега указывала ей дорогу к лесу. На тумбе перед клубом висела облезлая афиша – память о приезде городской филармонии. Еловая аллея у памятника неизвестному солдату. Альбина приостановилась на минуту перед постаментом, сейчас больше похожим на сугроб. Каменный боец опустил на одно колено, чуть склонив голову. Альбина мысленно поблагодарила воина. В детстве ей казалось, что он улыбался в ответ.

Деревня осталась позади. Дорога вильнула вправо и превратилась в утрамбованную колею. Альбина начала понемногу уставать и пару раз, споткнувшись о рытвину, чуть не упала: «Дурацкие валенки Гулливера!»

Кромка леса бросала ровную сизую тень на холмы, сияющие белизной. В воздухе будто позвякивали невидимые хрустальные нити. Звук напоминал цвиньканье снегирей. Альбина приложила ладонь ко лбу и всмотрелась в березовую рощицу за пологим спуском. Так и есть: снегои гроздьями обсыпали деревья.

«Словно капли крови, – сердце заныло от беспричинной тревоги. – Опять эта кровь...»

Дорога сделала резкий поворот и пошла вниз. Потеряв равновесие, Альбина плюхнулась на копчик. Рюкзак брякнул, кассетник, слетев с плеча, покатился по склону. Попыталась встать, но калоши оказались жутко скользкими.

«Ладно: на попе доберусь быстрее», – догнала кассетник, подхватила на лету. У березняка врезалась в сугроб. Встала, отряхнула комбинезон и зашагала по узкой тропинке.

Солнце чуть сместилось к горизонту, а небо покрылось хлопьями полупрозрачных облаков. Березняк быстро закончился. Альбина порядком вспотела. Пришлось замедлить шаг: не хотелось замерзнуть, едва начав работать. Расстегнула верхнюю пуговицу и развязала ушанку. А вот и мостик заскрипел под ногами. Осторожно перебралась на другую сторону речки, держась за деревянные поручни, и увидела озеро.

Свое «Озеро» Альбина задумала своеобразным гимном природе. Со свойственным максимализмом представляла, с каким восторгом публика воспримет ее шедевр:

«Ликующие яркие краски. Снисходительное солнце смотрит свысока на капризную морозность уходящей зимы. Облака парят, снег сияет, и зритель просто обязан испытать трепетное счастье и душевный подъем!»

Альбина похвалила себя за то, что заранее облюбовала раскидистую иву у берега и угадала с освещением. Солнце как раз справа, за спиной. И тень ивы очень кстати – прямой свет не должен попадать на этюд. Когда-то прочитала фразу художника Крымова: «Не важно, что писать, важно – хорошо устроиться».

Сняла рюкзак, порядком надоевший кассетник, размяла затекшие плечи и принялась оценивать вид на озеро с разных сторон. Присела. Нет. Сухой тростник сразу скрыл маленькие домики на снежных косогорах. Казалось, небо над деревней держалось на уходящих вверх столбах дыма из миниатюрных труб, и Альбина хотела передать это на картине. Сделала несколько шагов вправо. Мелкие облака тут же спрятали белую свечу церквушки. Отступить вплотную к стволу дерева – тоже не вариант: исчезла деревенька на горизонте. Но главное – озеро. Отсюда оно напоминало засахаренную поверхность зефира, а смещение в сторону меняло оттенок снега на сероватый.

Круглыми черными пуговицами блестели вырубленные во льду лунки. Рыбаки, сидящие около них, издали были похожи на толстые знаки вопроса. Метрах в трехстах темнела небольшая прорубь.

«Рыбаков оставлю, а эта дырень явно лишняя», – Альбина прищурилась и закрыла ее пальцем.

Определившись с местом, вытащила этюдник, выдвинула складные ножки и поглубже воткнула в снег. На металлических крючках закрепила половинку кассетника с картоном. Сложив из пальцев прямоугольник, вытянула руки и, вглядываясь вдаль через окошко, прикинула композицию. И деревня, и церковь, и размытые очертания села на горизонте вошли в кадр. Достала из кармана мобильник. Фотографии готовы. Растерла замерзший нос и освободила пальцы из варежек.

Провела остро заточенным карандашом еле заметные линии, разделив картон на три плана. На заднем сгруппировала домики и церковь, добавила щеточку леса, контурно наредила облака. Одно, похожее на рваное очертание кошки в прыжке, и цепь наслаивающихся друг на друга кучевых. Самое большое облако чуть касалось прибрежного холма. Средний план заполнили проруби с фигурками рыбаков. Цокнула языком, довольная тем, как нанесла легкой штриховкой сухой камыш, обрамляющий озеро, и набросала тени.

Рука заоченела. Альбина подула на нее и накинула верх варежки.

«Поехали. Подмалевок».³

Улыбнулась, вспомнив Ксюху. На днях она, наблюдая, с каким упоением Альбина смешивала краски, проговорила:

«Того и гляди сожрешь свои масляные деликатесы».

Для Альбины краски жили, дышали. Часто подсказывали, как их лучше смешать, чтобы получить необычный цвет. Поделилась с Ксюхой своими ощущениями, а у той глаза на лоб полезли.

Солнце съехало вниз.

«Хорошо, что тени зафиксировала в карандаше», – Альбина привычным движением набрала палитру, мастихином добавила к ультрамарину краплек розовый. Разделила на три части, подмешала в каждую белил по нарастающей, осветляя тон. Сиренево голубоватые цвета готовы.

«Начнем с самого светлого, почти прозрачного, – короткими легкими мазками она покрывала подмалевок, быстро переводя взгляд с картины на небо. – Здорово получается!»

Прошлась более темным колером по углам, и небо сразу стало объемнее. Оттенки переключались между собой, как певчие птицы на разных ветках, давая друг другу понять, что они рядом, близко, отчего их голоса звучали радостно, с надеждой.

От удовольствия Альбина вытащила кончик языка. Холод не ощущался. Вдруг нос уловил намек на аромат кофе. Рыбаки? Точно. У ближней лунки собрались фигурки, похожие на маленьких солдатиков, а над ними стоял чуть заметный дымок. Альбина покосилась на термос, сиротливо торчащий из рюкзака:

– Потерплю... – и осторожно, аккуратными касаниями кисти чуть выше линии горизонта наметила облака. – Блекло на первый взгляд, но усилить контраст можно потом, добавив ультрамарин. – Взяла большую плоскую кисть и еще раз прошлась размашистыми движениями по всему листу, едва касаясь его.

«Так, чуть засветлим верхнюю часть, оставив нижнюю более тягучей, и вон того пушистого барашка надо обязательно запечатлеть. Теперь объединим слои, растушевав границу между ними легкими крестообразными мазками. Основа готова!»

³ Подмалевок – это нанесение на бумагу тонких слоев краски основной гаммы с целью выделения главных цветовых пятен, грубой прорисовки форм

Ближе к горизонту небо приобрело сиреневый оттенок с вкраплениями розового. Проступила едва заметная монетка луны. Сумерки тихо подкрадывались к озеру, и оно приглушило белизну, уступая поверхность светло фиолетовым тонам.

Альбина отложила кисть и взяла термос. Прислонилась к стволу ивы. Какое блаженство – на морозе, маленькими глотками пить горячий сладкий чай с лимоном.

«И приходят хорошие мысли, и мечты у тебя широки...»

В небе первые звезды повисли, в окнах тоже горят огоньки.

Постепенно все больше темнеет, лишь вдали, где на взгорке село,

Так полоска зари пламенеет, словно там еще день и светло...»⁴

«Через час стемнеет. Пастозим⁵ и сворачиваемся. На трассе автобус или попутку поймаю», – выдавила остатки белил, немного кобальта и кадмия красного. Для домиков смешала охру с каплей черного.

Мастихин уверенно оставлял на картине густые рельефные мазки.

«Уф! На сегодня все. Я – молодец!» – Альбина аккуратно соединила половины кассетника, спрятав картину внутри, закрепила резинками. Накрыла пленкой заляпанную красками палитру, собрала этюдник и засунула в рюкзак. Взвалила его на плечи, подхватила кассетник и пошла. Живот заурчал, намекая на обед, а валенки показались намного тяжелей, чем были утром.

Над озером разнесся знакомый залиvistый лай.

«Дружок? Что он тут делает?» – Альбина приостановилась, осторожно спустилась к сухим кустам и прищурилась.

Картина маслом: Дружок катает Симеона! Мальчик скользил по льду на попе, держась за один конец кумачового шарфа. Другой, похоже, привязал к ошейнику Дружка.

«Маленький каюр в упряжке!» – Альбине тут же пришла мысль запечатлеть эту сладкую парочку на картине.

Дружок разогнался и упустил шарф. Симеон, хохоча, завалился на спину, а пес, не останавливаясь, помчался к проруби, ловко перемахнул через нее и закружился волчком. Вот дуралей! Симеон вскочил, обмотал шарф вокруг шеи. Дружок вернулся к мальчику, и они вместе побежали к полынье.

Сердце екнуло. Альбина запрыгала на месте и замахала руками:

– Туда нельзя!

Но лай Дружка перекрыл крик. Альбина плотнее прижала кассетник и рванула к проруби. За день газета в валенках утрамбовалась, и они болтались на ногах.

– Стойте! Ну, стойте же! – ей казалось, что голос слышно за горизонтом.

Ноги пудовые. Спина взмокла. Рюкзак оттягивал плечи и хлопал по спине. Сердце колотилось, в живот саморезами вкручивался страх. Валенки зацепились друг за друга, и Альбина растянулась на льду. Шапка съехала на глаза. Кассетник отлетел в сторону.

Поднявшись, словно в замедленной съемке, она увидела, как Дружок оттолкнулся задними лапами и завис над прорубью. Симеон прыгнул вслед за ним. Руки взметнулись вверх. Рот искажился в немом крике. Кровавая лента шарфа рассекла воздух. В следующую секунду Дружок приземлился на другой стороне полыньи, а Симеон упал в воду.

– Не-е-т! – кровь резко прилила к голове, Альбина вскочила и понеслась вперед. Подбежав к полынье, упала на живот, стянула зубами варежки, схватила Симеона за одежду. От

⁴ «Зимние сумерки» Константин Ваншенкин

⁵ Пастозная техника, пастозность (от *итал.* pastoso – тестообразный) – в живописи техника работы плотными, непросвечивающими (кроющими) слоями, мазками краски, иногда создающими рельефность

кромки льда отломился кусок и закачался на воде. Дружок перебежал к Альбине и стал подтягивать Симеона. Алы шарф, одним концом лежавший на снегу, медленно спустился в воду. Альбина сжала зубы, замычала и рывком вытащила Симеона. Села на колени и перевернула его на спину. Мокрые волосы облепили синюшное лицо, распахнутые глаза невидящим взором смотрели в небо.

Альбина завывала:

– Пожалуйста! – неумелыми движениями надавила на грудь Симеона.

Раз, два, три... Раз, два, три...

Беспомощно оглянулась по сторонам. Несколько человек бежали к ней. Альбина подняла Симеона и крепко прижала к себе, словно ее тепло могло вернуть мальчика к жизни.

– Помогите... – будто сквозь вату услышала свой сиплый голос.

– Уйди от воды! – кто-то поволок за капюшон.

Дружок истерично лаял. Тыкался мордой в плечо. Потом сел на задние лапы и заскулил.

Перед лицом возникли руки в варежках. Наверно, это они хотят отнять у нее Симеона? Альбина сопротивлялась, но силы были не равны. Отпустив мальчика, она осела на бок. Лямки рюкзака больно впились в плечи. Внезапно Альбину вырвало. Во рту появился противный привкус кислоты.

Резко потемнело. Повалил снег. Сквозь пелену Альбина видела мигающие красно-синие огни. Светящиеся круги скакали над озером и слепили мокрые от слез глаза.

Невдалеке шевельнулась темная масса.

– Он мертв.

Альбина вздрогнула. Сердце заколотилось. Перед глазами замелькали кадры. Черная собака на фоне белого снега.

«Мертв!»

Ребенок протягивает растопыренную ладошку.

«Мертв!»

Озеро с бегущими фигурками.

«Мертв!»

Альбина почувствовала, что ее поднимают и куда-то ведут. Ноги не слушались. Все тело трясло.

Приблизилось размытое лицо.

– Вы меня слышите? – медленно тянул слова мужской голос.

– Его... Зовут... Симеон... – выдохнула Альбина, стуча зубами.

Огни, машины, трасса. Остановка. Скорая. Как больно режет глаза... А глаза мальчика, услышанного⁶ Богом, уже никогда ничего не увидят.

⁶ Симеон – с еврейского «услышанный»

Глава II

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Стас бежал очень давно, но узкий коридор с тоскливыми стенами поносного цвета не заканчивался. Очередная дверь со светящимся на зеленом табло словом «Выход» захлопнулась перед самым носом.

– Вы ушли с маршрута, вы ушли с маршрута, – на одной ноте гнусавил противный женский голос.

– Где ты видишь тут маршрут, интеллектуальная дура?! – Стас резко остановился и со злостью посмотрел на смарт-часы с навигатором и пульсометром.

«Сто семьдесят пять... На пределе. Странно: усталости нет. Только сердце ухает филином», – переводя дыхание, он достал пластиковую бутылку и сделал глоток. Вода отдавала тухлятиной.

Слух резанул звук сирены, похожей на кряканье стаи уток, и тот же голос затараторил:

– Осталась одна жизнь, осталась одна жизнь.

Стас заорал:

– Какого черта! А где пять запасных? – он вылупился на мигающий красным светом экран. – Я с места не сдвинусь, пока твои глюки не закончатся! – прислонился к холодной стене, но она провалилась, и Стас полетел вниз.

Удар. Вспышка боли в затылке. Яркий свет перед глазами сжался в игольное ушко и померк.

Стас разлепил глаза. Темно. Голова раскалывалась. Во рту привкус какой-то гадости. Нашупал на полу телефон.

«Половина седьмого», – включил фонарик, осветил по сторонам и с облегчением вздохнул – кабинет Вадика. С трудом поднялся и, пошатываясь, побрел в туалет.

«На кого похож этот чудик в зеркале?» – провел рукой по небритому подбородку. Оттянув нижнее веко, взглянул на покрасневшую склеру с пучками порвавшихся капилляров. Открыл кран и подставил голову под холодную воду. Кожу обожгло. Переключил на душ и залез в кабинку. Так-то лучше. Мозги моментально прояснились. Вчерашний день, наконец, приобрел очертания, а туман выветрился полностью.

Чайник надрывно свистел. Стас сидел на стуле, положив руки на подоконник, и смотрел в одну точку. Солнце, озираясь на хмурые спящие деревья, потихоньку выкатилось на небо, осторожно раздвигая смурные белесые облака несмелыми лучами. Озеро, вспыхивая желтыми пятнами, меняло серую снежную шубу с коротким ворсом на роскошное, сверкающее вечернее платье. Рыбаки у вырубленных лунок казались игрушечными.

Стас ощущал, будто сильная рука сдавила сердце. Зажмурил глаза и явственно увидел *то* самое лицо. Вчера помог крепкий выдержанный виски – Вадим достал из сейфа, закончив свой длинный монолог об удачной сделке.

Утром, вместо репетиции, Стас помчался в больницу: накануне Егорку увезли с острым крупом. Елена отличилась. Как всегда. Оставила больного сына во дворе, а сама умотала в чертов салон. Хорошо, что сердобольные мамы, караулившие на катке своих отпрысков, быстро скорую вызвали: еще немного, и не спасли бы...

В больнице Стас обезумел. Метался как загнанный зверь. Рвался к сыну. Но строгая медсестра с тяжелым мужским подбородком и нависшими над глазами бровями, приказала сесть и не истерить. Вышел пожилой врач с уставшим лицом и, объяснив, что самое худшее

уже позади, велел отправляться восвояси; ребенок в реанимации, до утра уж точно, и смысла мозолить глаза персоналу и надоедать одинаковыми вопросами нет.

Телефон приемного покоя занят. Стас выключил чайник, тот обиженно пискнул и умолк. «В филармонию надо позвонить».

Мобильный пиликнул. Сообщение. От Вадима.

– Привет, братан! – голос бодр, как всегда. – Ты вчера реально меня напугал.

Стас угрюмо молчал. Что тут скажешь? Когда увидел освещенное фонариками лицо мертвого мальчика, ноги подкосились. Думал, с ума сошел: как Егор мог утонуть тут, на озере, когда он в больнице? И кто передел его в чужую одежду?

В приемном покое, как назло, долго не отвечали. Стас спустил собак на несчастную медсестру с детским заспанным голосом, сообщившую, что «состояние Егора Рахманова без изменений».

– Братан, але, ты живой там? – теперь в интонации Вадима проступила тревога.

– Здесь я, где мне еще быть, – буркнул Стас, – зачем просил перезвонить?

Вадим оживился:

– Там мужик зайдет, Алексом зовут. Пакет передай ему. На полке с документами лежит, в газету завернут. Пусть в журнале за него распишется. Да, будешь уходить, отключи рубильник под лестницей, замок защелкни, а ключ за пожарный щиток закинь – там ниша меленькая есть, увидишь.

– Кофе выпью и к Егору. Мужик когда зайдет?

– Я позвоню, прям щас заскочит. Не пропадай. Держи меня в курсе. Ок?

– Спасибо, друг.

Стас пил кофе и вспоминал школу. С Вадимом не разлей вода с первого класса. Везде вместе: на бокс – вдвоем, на каникулы – к его бабке под Самару. В восьмом в одну девчонку втюрились. После дискотеки морду набили друг другу, но в тот же вечер братались на спортивной площадке, скрепляя дружбу бутылкой сидра. И в музыкалку Вадим тоже записался. За компанию. Правда, через полгода отчислили за пропуски и полное отсутствие слуха. Стас-то с подготовкой пришел: у Лины Борисовны и медведь заиграет, даже если не хочет, а способности Стаса она заметила сразу и год, бесплатно, готовила к вступительному экзамену в первый класс.

«Бог ученичка послал», – восьмидесятилетняя бойкая старушка по кличке «Божий одуван» – так ее окрестили еще во времена маминой учебы в консерватории – не могла нарадоваться на смышленного и одаренного «Стасика». На пенсии она тосковала по работе, по ученикам. Уединенная жизнь в деревне, куда пришлось уехать из Москвы, чтобы ухаживать за престарелой теткой, не вязалась с активным характером и не по возрасту неуемным энтузиазмом. И занятия со Стасом, как она признавалась его матери, стали своеобразной отдушиной.

Много лет назад, после исчезновения мужа, мать Стаса наскоро продала квартиру за полцены риелтору с подозрительно бегающими глазками и ночью, собрав малочисленный скарб, уехала с сыном в деревню под Тамбовом – Лина Борисовна, выслушав по телефону ее сбивчивые объяснения, немедленно позвала к себе.

Первое время мать вздрагивала от каждого стука – везде ей чудились бритоголовые братки в кожанках, угрожавшие расправой за долги. Постепенно по привычке, но Стасу лет до одиннадцати не разрешала надолго отлучаться со двора.

Лина Борисовна приняла, как родных. Выделила несколько комнат в своем старинном, похожем на усадьбу, доме, с отдельным входом и палисадником, засаженным кустами жимолости.

Правда, мать очень переживала, что Стас неучем останется: в Москве-то возможностей больше.

Об отце они так ничего и не узнали. В лихие девяностые многих находили в реке с ногами, вросшими в бетонную глыбу, или в лесу, с отрезанной головой...

Когда лабораторию в НИИ прикрыли, распустив более пятисот сотрудников на «вольные хлеба», отец продал старенькие жигули и подался в челноки.

«Не горюй, мать, проживем. И не такое бывало. Деды вон, войну прошли, и ничего». Прожил. Но недолго. И семье не помог, и сам сгинул...

После девятого класса их с Вадимом дорожки разошлись. Стас поступил в музыкальное училище на фортепианное отделение. Вадик, перебиваясь с тройки на двойку, с трудом доплелся до одиннадцатого. Родители пристроили в политехнический, но Вадим, завалив сессию, ушел в армию.

Долгое время не общались и вот случайно пересеклись в баре. Стас зашел обмыть блестящее исполнение своей сюиты для голоса и фортепиано на фестивале молодых композиторов. Певица праздновать отказалась, сославшись на вредное влияние алкоголя и прокуренных помещений на ее контральто, и Стасу, чтоб не пить в одиночку, пришлось взять первого попавшегося скрипача.

«Хорошо тогда посидели. Вадик, как всегда, свой в доску в любой компании. Приятели его умеют разговор поддержать. И не нажрались», – Стас с удовольствием вспомнил, как партнеры Вадима по бизнесу – название проекта он не уточнял: что-то связанное с туризмом, – засунув по наушнику в ухо, с интересом слушали запись его выступления и уважительно кивали головами в такт музыке.

Стас снова набрал больницу – и снова короткие гудки. Тесть сбросил звонок, прислав эсэмэску «Перезвоню».

Стас помыл посуду после вчерашней пьянки, постель свернул и запихнул в отсек под диваном. Проверил, хорошо ли запер дверь, спрятал ключ и спустился к машине. Телефон снова пиликнул: пришло сообщение о списание денег со счета.

«Елена», – досада зашевелилась внутри, как кофейная жижка, взбаламученная ложкой.

Сиденье прогрелось, отдавая тепло телу. Стас приглушил динамик и тупо уставился на бегающую шкалу громкости на приборном щитке. В какой момент их семейная жизнь полетела в тартарары? Да практически сразу после свадьбы. Нет, гораздо раньше: после того как Елена объявила о беременности.

Стас выехал за ворота проходной, махнув охраннику. По расчищенной от снега дороге доехал до трассы, встретился в редкий поток машин в сторону города и погрузился в воспоминания.

Он рос без отца и рано взял на себя ответственность за мать. Тем далеким майским днем, когда сад за окном благоухал медово-сладким ароматом гиацинтов, он вбежал на крыльцо, размахивая папкой с нотами, со стуком открыл дверь на веранду и крикнул:

– Мама, я выиграл!

Мама и Лина Борисовна пили чай из фарфорового сервиза. Его доставали по большим праздникам и с благоговением называли «императорским». Мама молчала. Учительница взяла блюдечко, наполнила его янтарной тягучей жидкостью, переливавшейся на солнце, и, зачерпнув серебряной ложечкой содержимое, протянула Стасу:

– Деточка, откушайте чаю с божественным рябиновым вареньем, – ее глаза хитро улыбались, отчего мелкие морщинки на лице умножились.

Стас стоял, оторопевший:

«То линейкой по рукам за то, что играю мимо нот, а тут – отведайте чаю, деточка».

– Да, повод есть! – словно прочитав его мысли, Лина Борисовна повернулась к матери и одарила великолепной улыбкой, – наш Стасик взял первую премию! Мне уже доложили!

Мама охнула, а Стаса накрыла обида, что не он сообщил матери о своей победе в областном конкурсе. Насупился и решил не ударить в грязь лицом. Достал из папки бумажку, врученную директором музыкальной школы, и протянул маме:

– Я теперь буду покоить твою старость!

Мать развернула листочек и заплакала:

– Премию денежную выписали.

Лина Борисовна заулыбалась еще больше:

– Ну, Дарья, что слезы-то лить. Радоваться надо: парень серьезно настроен. Будем работать.

А Стас, чтобы совсем покорить строгую учительницу и доставить матери удовольствие, расхрабрившись, взъерошил густые волосы и выпалил:

– А завтра я пойду к директору и скажу, чтоб тебе зарплату выдали: пальто к осени купим и сапожки, я видел в сельпо – красивые, блестящие! – он залихватски перевернул ремень, чтобы металлическая бляха была ровно посередине, и искоса глянул на Лину Борисовну.

Она засмеялась от души, а мама еще больше расплакалась, вытирая глаза концом фартука.

Именно в тот день Стас твердо решил, что мать никогда не будет ни в чем нуждаться, и при первой же возможности, урывая пару дней между многочисленными гастролями и конкурсами, приезжал в деревню, привозил деньги, сувениры, продукты.

Мать слабо бранилась, вставая на цыпочки и притягивая к себе его вихрастую макушку для поцелуя, но Стас видел, что глаза ее сияли гордостью за сына-кормильца.

И о своей семье, о детях мечтал с юности. И чтоб непременно не меньше трех. Да. Мальчик и две девчонки.

С Еленой сразу не заладилось. «Сам виноват, кретин. Амбиции разыграли. Конечно: дочь директора филармонии, да еще внешность модельная», – Стас вспомнил их бурный роман на глазах у всей академии.

Она выросла без матери – взбалмошная, не знавшая отказа ни в чем. С ногами, как водится, от ушей, с глазами то львицы, то ручной кошки. И он – подающий надежды двадцатичетырехлетний аспирант, наивно полагавший, что сможет совместить идеальную семью и блистательную карьеру музыканта.

Романтика закончилась быстро. Елена, узнав, что залетела, устроила истерику. Категорически отказалась рожать, сказав, что своей матери никогда не знала и себе подобных плодить не намерена. Стас умолял оставить ребеночка, клялся, что будет воспитывать, и мама, если что, в город приедет, поможет с малышом. Подумав, Елена, взяла с него слово, что он гарантирует ей «крепкий сон по ночам и абсолютную независимость от пеленок-распашонок».

Егорка родился недоношенным. До полутора месяцев пролежал в больнице: после прививки заболел воспалением легких. Стас ужасно переживал и навсегда заработал животный страх перед любым чихом сына.

Он неохотно набрал номер жены, но вклинился встречный вызов.

– Да, Владлен Альбертович, я звонил. Отпросится с репетиции: Егора надо проведать, – нравоучения тестя давно уже приелись. – Конечно, я помню: скоро Испания, надо готовиться. Елена? А что с вашей дочерью может случиться? Цветет и пахнет как майская роза, – злость заставила крепче сжать руль, – да не ерничаю я, вам показалось, – Стас попрощался и с облегчением сбросил звонок.

Пилик. Снова списание. Стас с размаху шибанул рукой о подлокотник – больно! Выругался.

– Нашла себе кошелек на ножках! – он нахмурил брови, – в больницу к сыну ей некогда заехать, а по бутикам шляться, и по клубам ошиваться – и время, и силы, а главное, деньги есть.

Включив аварийку, свернул на обочину. Набрал приемный покой. Наконец-то!

– Девушка, день добрый. Как состояние Егора Рахманова? Два дня назад к вам поступил, – бешенный стук в груди. – Кто я? Отец! – гаркнул в нетерпении. Молчание в трубке пугало. – Перевели в палату? – он выдохнул: – Спасибо вам!

Включил поворотник и перестроился в левый ряд. Набрал жену.

«Сбросила! Неужели ответить сложно?! Какие-такие дела у нее срочно-важные?!» Наконец, томный голос соизволил отозваться:

– Слушаю. Только недолго. Я на показе.

Стас прижал телефон к уху и взревел:

– У тебя хоть капля совести есть: сын в реанимации по твоей милости, а ты по показам шляешься! Всеми есть предел! – в висках стучал отбойный молоток.

Елена зашипела в ответ:

– Что ты орешь? Я предупреждала: мне этот ребенок не интересен! Просил, вот и майся!

Он не поверил своим ушам – короткие гудки! Телефон выпал из трясущейся руки, Стас нагнулся, и в следующую секунду машина содрогнулась от сильного удара. В голове коротнуло, и Стас потерял сознание.

Глава III

Альбина смутно помнила вчерашний день. Одни обрывки: мужчина с расплывчатым пятном вместо лица протягивает кружку, горячий чай обжигает губы, резкий сигнал машины выдергивает из забвения – ее куда-то везут. Знакомая коричневая дверь. Щелчок ключа в замочной скважине. Дальше – провал.

Из квартиры снизу доносились ритмичные звуки музыки.

«Какой сегодня день?» – мысли всплывали, смешивались одна с другой и бесследно исчезали, так ничего не прояснив.

Попыталась подняться. Закружилась голова, во рту возник горьковатый привкус, перед глазами замелькали черные точки. Включила ночник, осторожно встала с кровати и медленно подошла к окну. С усилием отдернула плотную штору. Внизу фонарь освещал детскую площадку и припаркованные во дворе машины.

Повернулась и вздрогнула: взгляд выхватил картину, висевшую над письменным столом. Белая пена облаков отбрасывала тень на деревяню и отражалась в озере.

«Озеро, озеро, озеро!» – каждое слово точно острыми гвоздями вколачивали в виски.

Альбина поморщилась и вцепилась в подоконник. Сердце отчаянно заметалось, в ушах загудело. Чуть отдышалась и, облизнув пересохшие губы, поплелась на кухню за водой.

В ванной комнате горел свет. На стиральной машине лежала растрепанная пачка акварельной бумаги. Старомодную чугунную ванну заполнил ворох измятых листков. Альбина хватала их и разворачивала. С карандашных набросков на нее смотрело одно и то же, одно и то же. Озеро. Снег. Фигуры, бегущие по льду...

Она вскрикнула, роняя рисунки. Вчерашний день отчетливо проявился в голове, намертво фиксируя события. Медленно осела на пол, обхватила колени и тихо завывала, осознавая, что ничего уже нельзя изменить.

Прошел час, может, больше. Альбина очнулась от холода. Тело покрылось мурашками и затекло. Захотелось согреться. Дрожащей рукой открыла кран. Капли горячей воды забарабанили по бумаге. Выключила душ, прошла на кухню и вернулась с зажигалкой. Взяла скомканный набросок. Щелчок, и оранжево-синее пламя постепенно поглотило рисунок.

Альбина, как заведенная механическая кукла, поджигала и поджигала листок за листком и бросала в ванну. Намокшая бумага плохо горела. Едкий дым взметнулся к потолку, в горле запершило. Закашлялась, но уйти не могла. Внутренний голос приказывал смотреть. Глаза слезились, стало трудно дышать.

Все. Бумага с почерневшими краями раскисла, кучка пепла, тлея, шевелилась на дне ванны. Альбина долго стояла неподвижно. Потом очнулась, медленно вернулась в комнату и легла на кровать.

Музыка внизу стала громче. К ней добавились разгульные выкрики: судя по всему, что-то праздновали. Альбина ощущала себя странно: раньше любое веселье отзывалось в ней легкой радостью, а сейчас изнутри затапливала липкая холодная тоска. На минуту представила себя там, в шумной компании, но мысли спутались, остановились и медленно потащили все ее существо обратно, погружая в мучительно-гнетущее чувство вины. Она не могла пошевелиться: не было больше ни рук, ни ног. Только глаза, устремленные в потолок. Сквозь него.

Полная женщина в заляпанном фартуке торопливо поднималась по лестнице:

– У кого ж горит-то?

На площадке стоял мужчина в трико, домашних тапках и с сигаретой во рту. Из его расстегнутой жилетки выглядывала испуганная мордочка собачки – той породы, которая мерзнет круглый год без комбинезона или кофточка. При виде соседки мордочка спряталась.

– Всех обошла – ни у кого, – отдуваясь, сообщила соседка, – пожарных вызвала, полицию. – Она подошла к двери направо и принялась. – Похоже, у Никитиных.

– У них, – подтвердил сосед с собачкой.

Соседка нажала на кнопку звонка. Внутри настойчиво запиликало.

– Вы дома? – приложила ухо к двери. – Тихо.

Сосед тоже подошел, прислушался.

– Лейтенант Доценко! – раздалось за их спинами.

Бдительные соседи вздрогнули и обернулись. Молодой щуплый полицейский с папкой под мышкой взмахнул удостоверением:

– Граждане, *вы* полицию вызывали?

Сосед спрятал сигарету и молча кивнул в сторону женщины.

Она замахала руками:

– Я блины жарила, а тут Тонька звонит, – и задышала как паровоз, – молоко, вишь ли, я ей кислое купила!

Лейтенант перебил ее:

– Ближе к делу, гражданочка.

– А я и говорю: звонит, а у меня блины горят.

Лейтенант кашлянул в кулак:

– И?

– Что «и»? – передразнила соседка. – Сгорели! Открыла дверь, проветрить, а тут вот, – описала рукой круг в воздухе.

Ольга Львовна и Андрей Ильич вышли из лифта и, увидев сборище у двери квартиры, приостановились. Ольга сжала руку мужа:

– Андрюш, полиция... И гарью пахнет...

– Олюшка, раньше времени волноваться не будем.

Навстречу им выскочила соседка:

– Приехали, наконец-то! – всплеснула руками.

Андрей Ильич вежливо кивнул:

– Добрый вечер, Марь Васильна, с наступающим женским днем вас, всех благ, как говорится. Здравствуйте, Игорь, – пожал руку мужчине с собачкой и посмотрел на полицейского: – В чем дело, товарищ лейтенант?

– Ваши документы!

Андрей Ильич достал из внутреннего кармана пиджака паспорта. Лейтенант листал страницы:

– Прописаны.

Ольга Львовна испуганно произнесла:

– Да, мы тут уже двадцать лет живем. А что случилось?

– Это у вас надо спросить! – Марья Васильевна вытянула шею и тряхнула головой. – Оставляют квартиру без присмотра. Так и до беды не далеко.

Ольга Львовна растерялась:

– Мы на три дня всего уехали, – она переводила испуганный взгляд с соседки на полицейского, – дочка дома осталась. – Порылась в сумочке и достала ключи. Руки тряслись.

– Игорь! – дверь квартиры напротив открылась, и на пороге появилась маленькая старушка интеллигентного вида. Она щурилась глазами, глядя поверх очков.

– Мама, закройте дверь, Мавр опять убежит! – мужчина с собачкой аккуратно впихивал старушку обратно, но не тут-то было.

– И эта шлындра здесь? – с неожиданной злостью прошипела старушка, заметив Марью Васильевну.

– Ну ты, печеная груша, стинь! – зычно прокричала соседка на всю лестницу и замахнулась на старушку. – А паршивца твоего все равно поймаю и на живодерню сдам!

Старушка перешла на визг:

– Я тебе дам живодерню! – она пыталась высвободиться из рук сына: – Пусти, я ее сейчас покою!

– Гражданки, успокойтесь! – лейтенант расставил руки в стороны, удерживая соседку и старушку на расстоянии друг от друга.

– А что ейный кот мне на коврик гадит постоянно? – Марья Васильевна стреляла глазами в полицейского. – Коврики не напасешься на этого засранца!

– Андрюша, дверь не открывается... – голос Ольги Львовны задрожал.

Андрей Ильич взял ключ из ее рук:

– Давай я, – попытался засунуть его в замочную скважину, – изнутри заперто.

– Держи Мавра! – истошно крикнула старушка.

Из квартиры вышмыгнул большой черный кот. Под громкий лай своей собачки Игорь рванул вниз, потеряв тапок на лестнице.

– Ух, попадись мне, поганец! – Марья Васильевна успела пнуть кота ногой под зад.

– Ах ты, дрянь! – заорала старушка и кинулась на соседку, с недюжинной силой вцепившись ей в волосы.

Полицейский растащил их и гаркнул на весь дом:

– В отделение захотели?

Старушка дернулась, отпустила соседку и юркнула за дверь.

– Не открывается, – Ольга Львовна беспомощно смотрела на лейтенанта.

– Отойдите, гражданочка, – одной рукой лейтенант сдерживал натиск Марьи Васильевны, прорывавшейся к квартире старушки, а другой жал на кнопку звонка. – Откройте! Полиция! – голос гремел на все пять этажей.

– Попадись мне со своим котом, старая швабра! – вопила Марья Васильевна.

Внизу загудели голоса. По лестнице поднимались двое пожарных в яркой униформе:

– Снаружи возгорания нет. Задымления тоже, – доложили полицейскому и по наклонной деревянной лестнице полезли на чердак.

– Тут дверь. Ключ есть? – громко спросил один из них.

– Нету! – крикнула Марья Васильевна, и, наклонившись к уху лейтенанта, добавила, понизив голос: – У Никитиных ключ. Там у них мастерская.

Перешла на шепот:

– А может, и не мастерская. Может, че скрывают: все время туда-сюда снуют. То он, то она.

– Что скрывают? Кто «он-она»? – лейтенант сдвинул фуражку на затылок и потер лоб.

– А вон, у них и спросите, – соседка ткнула пальцем, указывая на Ольгу Львовну.

С чердака спустились пожарные:

– Все чисто.

– Так я вам говорю, из ихней квартиры воняет! Небось Алька утюг выключить забыла.

С детства тетехой растет.

Ольга Львовна гневно воскликнула:

– Кто дал вам право так говорить о моей дочери?

Андрей Ильич сдвинул брови:

– Марь Васильна, наша дочь не такая.

– Не такая. Ждет трамвая, – соседка ехидно усмехнулась, ища взглядом поддержки у лейтенанта, – они все сейчас, молодые-то: полночи колобродят, а потом дрыхнут до обеда. Вон, у Пучковых музыка долбит, слышите? Небось и Алька там тусует.

– Прекратите оскорблять мою дочь! – крикнула Ольга Львовна, махнула рукой и выронила ключ.

– Больно надо, – Марья Васильевна отступила на шаг назад, подальше от Никитиных, и уперла руки в бока.

– Право, Марья Васильевна, какая муха вас укусила сегодня? – Андрей Ильич попытался сгладить ситуацию.

– Сами вы мухи! – не унималась соседка. – Я за порядок.

Лейтенант достал из кармана платок, вытер вспотевшее лицо и поднял ключ. Потыкал им в замочную скважину и досадливо проговорил:

– Придется ломать. Посторонитесь, граждане.

Пожарный достал инструмент, буркнув под нос:

– Лучше вызов ложный, чем такой вот сложный.

– Зачем ломать? – Ольга Львовна захлопала густо накрашенными ресницами.

Марью Васильевну понесло. Она зыркнула глазами и заверещала:

– А вы хотите, чтоб мы задóхлись от вашего дыму? Вот люди, дверь ей жалко! А что дом чуть не пожгли, им без интересу. Совсем стыд потеряли!

Ольга Львовна достала из сумки телефон:

– Андрюш, не отвечает...

– Конечно, не ответит: спит и в ус не дует, – снова вставила соседка свои пять копеек.

– Что за шум, а драки нет?

Ольга Львовна обернулась:

– Зина! – и кинулась навстречу плотно сбитой пожилой женщине с коротким ершиком седых волос на голове.

– Марья Васильевна, опять воюете? – Зинаида строго глянула на соседку. – Мало вам гипертонии, инсульт захотели?

Марья Васильевна охнула. Полицейский глянул на Зинаиду:

– Вы кто, гражданочка?

Ольга Львовна сбивчиво пояснила:

– Наша Зинаида Петровна... Соседка.

Пожарный открыл дверь в квартиру и исчез внутри. Полицейский юркнул за ним.

– Мать честная, ну и вонь! – завопила Марья Васильевна, вглядываясь в темноту и прикрывая нос краем фартука.

– Боже мой, Андрей! – Ольга Львовна забежала в прихожую и вскрикнула, увидев Альбину на руках у пожарного.

– Да жива она! – успокоил тот.

– Несите в комнату! – Ольга Львовна хлопнула входную дверь перед носом Марьи Васильевны.

– В коридоре, на полу лежала, – заметил пожарный.

Запах гари смешался с духотой. Андрей кинулся открывать окно. Пожарный опустил Альбину на скомканные простыни. Ольга Львовна подложила подушку под голову. Господи, что с ней? Бледное осунувшееся лицо. Губы сухие. Синяки под глазами.

Вслед за лейтенантом в комнату вошла Зинаида с оранжевым саквояжем с красным крестом.

– Вы врач? – спросил полицейский.

– Первая городская. Документы там. – Зинаида протянула пластиковый конверт.

Лейтенант начал заполнять протокол. Зинаида лаконичными движениями раскрыла сак-
вояж достала тонометр и нашатырь. Поднесла вату к носу Альбины. Та застонала и открыла
глаза.

– Аля, Алечка! – Ольга Львовна кинулась к дочери, – что с тобой?

– В квартире чисто, – заглянул пожарный, – в ванной дым коромыслом: бумагу жгли.

– Распишитесь тут.

Зинаида перехватила плотной манжетой руку Альбины над локтем и ритмично зарабо-
тала грушей тонометра:

– Ну, красавица? Что с тобой приключилось?

Альбина зашевелила губами, пытаясь выговорить:

– Тио... Тиа... Зи... На... Я... Не...

Звуки, похожие на хрипы напугали Ольгу Львовну. Сотни неприятных иголок впились
в кончики пальцев. Ноги стали ватными.

«А что, если дочь умрет? Вот прям сейчас, у нас на глазах? Единственная любимая
доченька?»

Она подскочила к кровати, упала на колени и вцепилась Альбине в руку:

– Аля! Что с тобой?

Зинаида метнула суровый взгляд на Ольгу:

– А ну-ка, прекрати истерику!

– Оля, успокойся, – Андрей поднял жену, прижал к себе. Она уткнулась в его плечо и
зарыдала.

– Андрей, воды принеси. – Зинаида поглядывала на Ольгу.

Андрей выбежал и вернулся с полными стаканами. Один осушил залпом. Зинаида
достала из саквояжа пузырек и накапала валерьянки во второй:

– Вам, на двоих. И марш отсюда, мешаете только!

Ольга Львовна, подперев подбородок ладонями, застывшим взглядом смотрела на
вазочку с лимонными карамельками на кухонном столе. Она в который раз пыталась их сосчи-
тать, но постоянно сбивалась на цифре девять. Андрей открыл форточку, поправил свесив-
шийся из кашпо побег традесканции и грузно опустился на табуретку:

– Оля, возьми себя в руки, – его голос фоном гудел мимо ее ушей, – чего доброго, опять
с сердцем в больницу загремишь. – Он машинально двигал по столу деревянную резную под-
ставку под горячее, сделанную собственноручно из можжевелевого спила.

Ольга Львовна вскинула заплаканные глаза на мужа, несколько секунд смотрела на него,
хмуря брови. Вытерла нос бумажной салфеткой и ответила, подбадривая сама себя:

– Да, все верно...

На кухню вошел лейтенант:

– Распишитесь в протоколе, граждане.

Следом появилась Зинаида:

– Так, родители, у Али шок. Может, стала свидетелем какой-то аварии: про умершего
ребенка мне твердила. С расспросами не приставать. Я дала успокоительное, так что до утра
проспит.

Ольга Львовна всхлипнула:

– Что же это...

– Спокойно! Следов насилия нет, не наркотики, – Зинаида бросила выразительный
взгляд на полицейского, – ситуацию, скорее всего, спровоцировали внешние обстоятельства.

Андрей спросил:

– Надеюсь, психиатр не потребуется? – на лице читался испуг.

Зинаида рассекла воздух широким жестом:

– Главное, чтобы психиатр не понадобился вам! Оля сейчас накрутит и себя, и тебя, – она бросила испытующий взгляд на Ольгу Львовну. – Коллеге позвоню, к вам направлю, но насколько я Альку знаю – девочка ранимая, реагирует на все.

Зинаида резко поднялась и направилась в прихожую:

– Да... Вся квартира провоняла. Придется вам ремонт делать.

Ольга вскочила и пошла за ней:

– Зиночка, спасибо тебе, дорогая!

– Ну, хватит, хватит. Да, в академии пусть больничный на недельку возьмет. До завтра. Полицейский тоже откланялся.

Бра из матового стекла с мягким голубым отливом освещала комнату. Альбина спала. Ольга Львовна аккуратно поправила одеяло, убрала прядь волос с лица дочери и села рядом. Она вглядывалась в лицо Альбины. Тонкие веки с чуть заметными прожилками слегка подрагивали. Одна рука вытянулась вдоль тела, а другая прижимала большого плюшевого зайца. Ольга вытерла выступившие слезы и почувствовала руку Андрея на плече.

– Пойдем, пускай спит, – произнес он шепотом.

Она встала, выключила ночник и вместе с мужем вышла из комнаты.

Альбина с трудом открыла тяжелые веки. Темнота. Ни звука. Не сразу сообразила, где находится. Попробовала встать, но внутри словно перекатывался тяжелый чугунный шар, заставляя голову опуститься на подушку. Дыхание участилось, резкая волна слабости прошла по телу, покрыв его испариной. Скулы свело, а рот наполнился слюной. Судорожно сглотнула и отчетливо услышала гулкие удары собственного сердца, словно оно переместилось в голову и стучало в висках. Разлепила пересохшие губы и позвала маму. Ответа нет. Сжала кулаки, решив, что так голос станет громче, но изо рта вырывался приглушенно-хриплый звук. Подняла дрожащую руку и протянула в сторону, нащупав стену. Глубоко вздохнула, стараясь успокоить чечетку в груди, и несколько раз ударила кулаком. Еще и еще. Ей показалось, или в комнате родителей послышались едва различимые голоса? Альбина продолжала стучать по стене, теряя остатки сил.

Скрипнул паркет. Вспышка полоснула по глазам. Руки сами натянули одеяло на лицо.

– Алечка, мы здесь!

Мамин голос приблизился, и Альбина ощутила ее руку на своей голове.

– Андрей, выключи верхний, я ночник оставлю.

Когда резь прошла, Альбина убрала одеяло и открыла глаза. Мама в ночной рубашке, с распущенными волосами опустила на колени возле нее. Папа в пижаме стоял рядом. Родители переглядывались. Отец заговорил первым:

– Аля, может хочешь чего? Поесть?

Мама подхватила его слова:

– Да, я бульончик твой любимый сварила. Погреть?

Альбина почувствовала, как скрутило живот, тошнота подступила к горлу:

– Нет! – закричала она невесть откуда прорезавшимся голосом, отчего родители вздрогнули и снова переглянулись.

Мама присела рядом, погладила по руке приговаривая:

– Все хорошо, мы с тобой.

Ласковые слова отозвались царапающей болью под ложечкой. От них становилось только хуже. Мерзко. До тошноты... Альбина оттолкнула мамину руку, резко села, от чего комната и родители закачались, а в глазах зарябило, и сдавленно прошептала:

– Не буду! – хлынули слезы. – Есть не буду! – она почувствовала дрожь во всем теле. – Я... Хочу умереть!

Мама охнула, отпрянула назад, а отец начал старательно подбирать слова:

– Дочка, ты... Наверно... Лучше не... Мы же волнуемся с мамой.

– Оставьте меня! – Альбина отодвинулась к стенке, поджав колени.

Она – преступница, и принять заботу родителей, их утешения, не могла. Не имела больше права. Перед глазами отчетливо встала картина произошедшего на озере. Альбина застонала, обхватила голову и начала раскачиваться из стороны в сторону. Она явственно видела *то самое* лицо. И глаза...

– Я не успела, – она закрыла лицо ладонями и вновь повторила: – Оставьте меня!

Мама заплакала, а отец шумно задышал и поспешно проговорил:

– Да, да. Мы сейчас уйдем.

Альбина оторвала руки от лица и с тоской взглянула на родителей. Ей вдруг стало их очень жалко.

– Пойдем, Оля, – отец помог маме подняться, – свет оставим.

Альбина всхлипнула и сползла на подушку. Родители вышли. Она уловила обрывки шепота.

– Лекарство... Я попробую...

Отвернулась к стене, укрывшись с головой, подтянула колени к животу и затихла.

Альбина пребывала в странном состоянии между сном и бодрствованием. Беспорядочные кадры ускоряли свой бег, отматывая события в утро того злополучного дня. Вопросы без ответа роились в голове, как назойливые приставучие осы. А что, если бы не поехала? А что, если бы встала в другом месте? А что, если бы ушла раньше с озера? А что, если бы, если бы, если бы... Она куталась в одеяло, но холод шел изнутри, заставляя неметь пальцы. Сжала голову и замычала. Всего каких-то три дня назад... Резко навалилась спасительная усталость, и накрыло полузабытье.

Она шла босиком по белой ледяной равнине. Сильный ветер развевал спутанные волосы. Пот струился по лицу, намокшая сорочка прилипла к спине. Альбина знала, что должна идти вперед. Туда, где вдалеке маячил желтый огонек, похожий на пламя свечи. Жалкие сухие былинки клонились к земле, снежная пыль под ногами закручивалась в вихри. Опережая ее на шаг, из толщи льда вырастали столбы, и тихий голос, возникающий из ниоткуда, отсчитывал с тусклым однообразием:

«Один, два, три...»

Монотонный звук пугал и завораживал. Холод не ощущался, но двигаться становилось все труднее; Альбина боролась с желанием распластаться на промерзшей глади и навсегда слиться с ней. Вдруг кто-то затряс за плечо.

– Аля... Ты спишь?

Сон схлопнулся, и Альбина увидела склонившуюся над ней маму. Обрывки видения таяли, оставляя ощущение, что она только что упустила важную деталь, и теперь весь путь придется пройти заново. Внутри всколыхнулось и сжалось в комочек непонятное волнение.

Мама села на стул возле нее и одной рукой подкатила к себе столик на колесиках:

– Поешь немножко, – не давая возразить, приподняла за плечи и подложила под спину подушку, – давай, бульончик. Горяченький.

Сил сопротивляться не было, и Альбина машинально взяла протянутую кружку с дымящейся жидкостью. Сделала глоток, еще один:

«Вкусно. И тепло».

Мама подошла к окну, отдернула штору и открыла настежь обе створки. Солнечный свет ударил Альбине в глаза, заставляя зажмуриться. В комнату ворвался поток свежего воздуха с запахом морозца. Бесшабашный щебет воробьев, перекликаясь с беспорядочными сигналами машин, напоминал о том, что жизнь на улице продолжалась.

– Погода замечательная! – мама засмеялась и хлопнула в ладоши. – Скоро папа придет, будем чай пить.

Альбина осторожно поставила кружку на столик и уставилась на маму. Напряженное лицо. Натянутая улыбка, наигранная веселость. Альбина чувствовала нарастающее недовольство. Открыла было рот, но мама затараторила:

– Твой любимый торт обещал купить, Киевский. И отпразднуем вместе восьмое марта, да?

«Что она со мной, как с маленькой сюсюкает?»

Альбина набрала побольше воздуха и крикнула:

– Хватит! – в глазах зашипало.

Мама сразу поблекла, уголки губ опустились, подбородок задрожал. Она села на кровать и сложила руки в умоляющем жесте:

– Мы ж хотим тебе помочь, – глаза наполнились слезами. – Маме ведь можно рассказать, что случилось, – всхлипнула, окончательно сникнув.

– Я хочу побыть одна.

– Да, да, – поспешно согласилась мама, – ты только допей бульон. – И чуть слышно добавила: – Я потом лекарство принесу.

Альбина исподлобья смотрела, как мама, ссутулив плечи и опустив голову, шла к дверям. Наблюдать за неловкими движениями родного человека было мучительно. Альбина сжала зубы и задержала дыхание. Сердце снова заухало. Одна часть ее сейчас очень хотела прижаться к маме и выплакаться, ведь родители всегда поддерживали. И сейчас помогут пережить эту ситуацию. Но безжалостная вторая часть вынуждала отгораживаться. И Альбина не понимала, как выбраться из каменного мешка, в который заточила сама себя.

Мама вышла. Альбина схватила кружку с бульоном, поднесла к губам, но тут же поставила обратно.

«Есть запрещаю. Не заслужила», – с трудом поднялась с кровати и поплелась к окну. Перегнулась через подоконник и представила, как летит вниз, отсчитывая ударами сердца последние секунды своей никчемной жизни. Один прыжок – и конец всему. Выпрямилась, обхватила голову ладонями, пытаясь защититься от назойливых мыслей. Внезапно накатил приступ смеха.

«Ничтожество! Трусливое ничтожество!» – смех перешел в рыдания. Альбина всхлипывала, зубы стучали мелкой дробью. Чем больше расковыривала нутро, тем отчетливее понимала, что не сможет себя простить.

На смену истерике пришло отупение. Альбина подняла голову и долго смотрела на двор. Стайка голубей суматошно боролась за кусок булки. Очередной сизый счастливец хватал переходящий «трофей» и нещадно трепал его. Сородичи ловили отлетающие корки и жадно склеивали крошки. На скамейке обнималась влюбленная парочка.

«Сидят, целуются...» – Альбина отвернулась. Чужое счастье подчеркивало ее одиночество, и совсем не хотелось радоваться за других. Нахлынуло отвращение ко всему.

Взгляд упал на письменный стол. Деревянная подставка с кисточками всех размеров. Охапка эскизов. Краски. Баночка с маслом. Стопка хлопковых отрезков – заготовки для хол-

стов. Корзина с бумажными салфетками. Любимые разноцветные клячки.⁷ Все привычное, родное, спасительное.

Альбина схватила раскрытый на чистой странице скетчбук и карандаш. Села на пол у окна, скрестив ноги, и короткими резкими штрихами начала прорисовывать силуэт березы. Устремленные вверх от ствола изломанные зигзаги просили о пощаде, но ветер трепал их из стороны в сторону, и красно-бурым поникшим веточкам ничего другого не оставалось, как смириться.

Закоченела от холода, но вставать не хотелось. Внутри нарастало злорадство. Шальной бесенок в голове подначивал: «От воспаления легких во цвете лет скоропостижно скончалась Альбина Никитина – преступная и подлая личность».

Оторвала карандаш от бумаги и представила свои похороны. Торжествовала вместе с бесенком ровно до тех пор, пока не споткнулась о картину с рыдающей мамой и скорбно вздыхающим отцом. Надавила на карандаш, грифель сломался. Протянула руку к столу и не глядя взяла первое, что нащупала. Хотела провести несколько линий, чтобы придать стволу шероховатость, и вскрикнула. С рисунка на нее смотрело мертвое лицо Симеона. В нос шибанул запах гари. Ладони вспотели, вернулась внутренняя тряска. Отшвырнула блокнот, попыталась встать, но подвели затекшие ноги. Охнув, осела, и заколотила кулаками по полу:

– Дрянь! Какая же я дрянь!

Двери с шумом распахнулись, и в комнату вбежали родители. Отец кинулся ее поднимать, мама опять запричитала:

– Ну что же ты делаешь?

Альбина посмотрела на них сквозь слезы:

– Что вам... Всем... – голос срывался, – надо от меня? – на негнущихся ногах дошла до кровати и упала ничком.

Отец суетился:

– Давай.

Мама протянула стакан:

– Аля, мы не уйдем, пока ты не примешь лекарство.

Альбина села, выхватила стакан, чуть не пролив содержимое. Короткими поспешными глотками выпила горьковатую жидкость и рухнула лицом в подушку.

В дверь позвонили. Мама пошла открывать. Отец поднял с пола блокнот и внимательно посмотрел на рисунок:

– Очень даже симпатичная березка. И закат.

Альбина вздрогнула:

«Издавается? Какой закат, какая березка? Неужели он не видит *то* ужасное лицо?» – попыталась возразить, но слова застряли в горле.

Забрала скетчбук и начала яростно черкать набросок:

– Закат! – выдергивала листы, рвала и швыряла на пол. – Березка!

Отец беспомощно разводил руками. Из прихожей раздался знакомый голос:

– Алька, ты чего там буянишь?

Голос из той жизни. Жизни *до* озера. Альбина замерла на секунду, а отец поспешил доложить:

– К нам Ксения заглянула на чаек, – он потер ладони. – Пойдем на кухню?

Альбина криво усмехнулась:

– Сами пейте свой чаек, – отвернулась к стене, – а от меня отстаньте.

⁷ Ластик-клячка (кляча, уст. снімка) – канцелярская принадлежность для коррекции и осветления угольных и пастельных рисунков, для удаления загрязнений с пленки и кальки

Альбина очнулась. Все тело ломило. Перевернулась на спину и болезненно поморщилась. «Я что, спала? – обвела комнату взглядом. – Где мама с папой?»

Привычные вещи стояли на своих местах. Письменный стол у окна, у противоположной стены – мольберт с грунтованным холстом на подрамнике. На приоткрытой дверце платяного шкафа висело сметанное по швам платье. Ксюха вызвалась сшить его для студенческой вечеринки.

Альбина встала, подошла к шкафу и коснулась ткани. Рука ощутила приятную гладкость. Шелк темно василькового цвета заказывали через интернет. Переживали, чтобы не подсунили поделку. Спустила на него отложенные к лету деньги.

«Какие уж тут платья? Не до вечеринок».

С кухни доносился громкий Ксюхин смех вперемешку с папиным баском. Альбина всегда по-хорошему завидовала раскованности подруги; той ничего не стоило подойти к незнакомому парню и спросить в лоб: «А что вы думаете о моей внешности, сударь?» И с чертовщинкой в глазах наблюдать, как молодой человек, ошарашенный неожиданным вопросом, пытается выкрутиться из неловкой ситуации. Альбина еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться, а Ксения томно вздыхала, добивая бедолагу призывным взглядом выпученных карих глаз с наращенными ресницами. Рыжий цвет волос и красная помада придавали ей в этой сцене черты женщины-вамп, вышедшей на охоту.

Их дружба началась на торжественной линейке. Альбина была самой мелкой среди девочек-первоклашек, и ей доверили нести колокольчик. И вот уже директриса с гордостью объявляет, что сейчас прозвонит первый в этом учебном году звонок. Аплодисменты шелестящей волной прокатываются по рядам родителей. Альбина слышит свое имя. Видит, как к ней идет рослый кучерявый старшеклассник, чтобы водрузить на плечо и пронести по школьной площадке. Учительница сует в руку серебристый колокольчик, перевязанный красной лентой, а из динамика льется звонкое: «По тропинкам, по дорогам в первый раз осенним днем».⁸

И вдруг жуткий страх напал на нее. Внутри все затрепыхалось, колени подкосились. Даже банты на косичках затряслись. Она чуть слышно твердила: «Нет, я не буду, не буду!» Старшеклассник, выпучив глаза, схватил за руку и потянул к себе. Учительница испуганно зашептала: «Никитина, ты что?»

Ладони вспотели, перед глазами все завертелось в одну большую кутерьму. Альбина попятилась и наткнулась спиной на кого-то. И этот кто-то, подпихивая ее вперед, отчетливо прошептал: «Девочка, ну, иди же ты, иди!»

Она обернулась и увидела пухленькую рыжеволосую одноклассницу с большими глазами, а та продолжала шипеть: «Я вот очень хотела звонок нести, но толстым нельзя, – и хлопнула ладошками по бокам, – меня мальчик уронит».

С тех пор все время вместе. Учителя удивлялись их дружбе: «Надо же, такие разные девочки!» А утонченная ранимость Альбины чувствовала себя в безопасности под сенью разбитой бесшабашности Ксюхи.

Родители по-разному относились к их дружбе. Отец не упускал случая подшутить над манерами подруги дочери. Но его любимую фразу «Приличным барышням не пристало», Ксюха, нисколько не тушуясь, парировала: «Не знаю, что там *им* не пристало, уважаемый Андрей Ильич, но ко мне уж точно все эти рюшки-финтифлюшки не пристаю. И уж примите меня такой, какая есть!»

⁸ «Здравствуй, здравствуй, первый класс», слова: Владимир Степанов, музыка: Станислав Стемпневский

Отец недовольно бухтел себе под нос, но спорить не решался, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Мама, наоборот, приводила подругу Альбине в пример: «Вот, учись! Не пропадет девочка в жизни: и шьет, и готовит, ловкая, практичная». Альбина улавливала досадливые нотки в голосе, а мама наседала еще больше: «А ты у меня... Вечно в облаках витаешь...» – вздыхала и разводила руками.

После девятого класса Ксюха поступила в кулинарный техникум. Проучилась два с половиной года, и, не дотянув совсем немного до диплома, бросила, увлекшись моделированием одежды. Шила хорошо, хотя нигде не училась.

Альбина тряхнула головой, прогоняя воспоминания, и поежилась.

«Надо что-то срочно придумать, а то замучает расспросами, – она озиралась по сторонам. – Жаль, что комната на замок не закрывается. Может...»

Не успела ничего сообразить. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Ксюха. В неизменной мини юбке, с ярким макияжем и тапочках на каблуках.

«Даже в гости таскает свои тапки с помпонами!» – досадливо поморщилась Альбина.

– Та-ак, подруга! – Ксюха смотрела с прищуром. – Помирать собралась?

Альбина держалась за дверцу шкафа и лихорадочно прикидывала, что ей делать. Сил объясняться не было совсем. Она стушевалась, не выдержав взгляда подруги. Осторожно прошла к кровати и демонстративно улеглась лицом к стене, наивно полагая, что Ксюха поймет – беседы по душам не будет.

Ксения угрожающе рявкнула:

– Ну-ну! Игнор включаем! – прогарцевала к окну и с грохотом закрыла его. – Решила в ледышку превратиться?

Альбина молчала, а Ксюха хозяйничала:

– Что это тут у нас? – шорох бумаги. – Ага, рисуночки валяются, понятно. Ну, *так* себе намалевала, явно не в духе была.

Альбина резко повернулась. Их взгляды снова встретились. Альбина отвернулась, а Ксюха продолжала напирать:

– В комнате дубак. В квартире – как после побоища и пожара. Мать с отцом в печали, а ты тут истерики закатываешь и голодовку объявляешь?!

Над самым ухом раздалось громкое:

– Нехорошо, Альчик!

Альбина от неожиданности вздрогнула, но только сильнее стиснула зубы:

«Все равно не разговоришь меня, не старайся».

Ей больше всего на свете сейчас хотелось остаться одной, до онемения продрогнуть и провалиться в сон. Уплыть в спасительную темноту. Туда, где можно спрятаться от самой себя.

Ксюха не унималась:

– Алька, ну, хватит уже, – в голосе появились вкрадчивые нотки, – поговори со мной.

Альбина почувствовала, как подруга раскачивает ее за плечо, и вся сжалась. Запиликал телефон.

– Да, котик? – голос Ксюхи зазвучал томно.

«Началось...» – Альбина повернула голову и украдкой разглядывала подругу. Вытянутые губы, наивные глаза, удивленные брови с перманентным макияжем и трепетные ресницы-бабочки. В другой жизни надорвалась бы от смеха: наблюдать, как Ксюха вьет веревки из ухажеров, было очень забавно.

Парни липли к ней со старшей школы. Из пухлой дурнушки, которую мальчишки дразнили «Рыжик», неожиданно для всех, Ксюха преобразилась в харизматичную красотку. И однажды, после летних каникул, произвела фурор среди мальчиков и заслужила завистливый

шепоток признанных «королев школы». Норовистая, способная сыпать колкости, как булавки, Ксюха буквально гипнотизировала поклонников.

Альбина надеялась, что очередному бойфренду удастся отвлечь подругу, но не тут-то было. Ксюха кокетливо распрощалась с «котиком» и снова принялась за нее:

– Мы сейчас встаем, идем умываться, снимаем эту нелепую тряпочку в горошек. – она стянула с Альбины одеяло и недовольно прогнусавила: – Ну, посмотри, на кого ты похожа, подруга?!

Перед носом оказалось невесть откуда взявшееся зеркало, в котором Альбина успела заметить бледное существо с нечесаными волосами.

– Чего ты ко мне пристала? – она вскочила и покачнулась. – Иди давай, там тебя котики ждут!

Ксюха победоносно воскликнула:

– Ага! Злишься! – на лицо вернулся фирменный прищур. – Котики подождут, у меня есть дела поважнее.

И с видом хозяйки положения, напевая под нос: «Не ловил он мышей, его гнать бы взащей, но красив был, подлец, чрезвычайно»,⁹ – Ксюха потащила сопротивляющуюся Альбину в ванную.

Когда вернулись в комнату, Альбина чуть не задохнулась от негодования:

«Сговорились!»

Окно закрыто, кровать заправлена, с пола исчезли обрывки бумаги, а на столике, вместо недопитого бульона, стоял букет мимозы в пузатой глиняной вазочке. Рядом – две чашки из праздничного сервиза и блюдца с кусками торта. Нежное безе, окруженное сливочным кремом и жареными орешками. Рот моментально наполнился слюной.

«Не буду! Умору себя голодом!» – Альбина засунула руки в карманы халата и прислонилась к стене у двери.

Ксюха, мурлыкая под нос, подошла к шкафу. Сняла с плечиков платье, разложила на кровати, расправив рукава и подол.

– Че стоишь, как неродная, стены подпираешь? Щас все слопаем, будем примерять твою обнову, – цокая каблучками, прошествовала к дверям. – Я за чайком. Садись и жди!

Альбина не понимала, как вести себя. Она разделилась на две части; первая хотела смерти – холодной и однозначной гибели, небытия, а нежная и подленькая вторая – сдаться, выпустить себя из затвора в привычный уютный мир, всегда согревавший, как тонкая шерстяная шаль, заботливо и ненавязчиво. Ксюха. Мама с папой...

Папа. Веселый громкоголосый отец с детства казался Альбине добрым великаном из сказки. Умел любую беду превратить в «просто неприятность». Он учил, что все в жизни для «опыта и пользы». И люди, и события. Ничего случайного не происходит. Любил повторять: «Человек сам на себя может напялить очки: один от солнца прячется, другой в розовых до пенсии ходит, а мы с тобой, Алька, – из породы радужных! Вот и смотри на жизнь сквозь семь цветов!»

Альбина невольно улыбнулась, представляя, как вместе с папой они размахивают грозным оружием – кисточками размером с ружье – окунают их в ведерки с красками и размазывают все, что видят: машины, заборы, деревья, дома... Особенно стараются разрисовать пресные лица прохожих. Добавить счастливые улыбки, очаровательные веснушки и смеющиеся глаза.

⁹ «Мартовский кот», слова и музыка Александра Иванова

Она тяжело вздохнула. Где взять такую кисть, которая сможет закрасить черную как сажа, тяжесть внутри, у самого сердца? Отрешенно прошла к кровати и села. Покосилась на букет. Мимоза – любимые мамины цветы. Отец всегда покупал их на восьмое марта. Терпкий сочный аромат.

«Пушистые цыплята», – Альбина коснулась пальцем нежной пыльцы.

Мама. Всегда обеспокоенная чистотой и порядком. Такая родная, надежная. Ее деловитость и излишняя опека часто раздражали, но сейчас Альбине даже не хватало ее ворчливости.

И Ксюха. Ее шепутная Ксюха. Почти как сестра. Она умела разводить руками любые тучи...

Первая Альбина с издевкой усмехалась над мыслями второй:

«Посмотри на себя, размазня манная! Захотелось ей на родительском плече поскулить».

Альбина махнула рукой, отгоняя мрачного бесенка, но он не исчез, а лишь усилил прыть: «За пазухой решила спрятаться? А бедный Симеон в чем виноват? Если бы не ты, он был бы жив!»

Альбина зажмурилась. Затрясла головой, силясь скинуть пакостника, который чувствовал себя в ее голове, как дома.

Ксюха ввалилась, открыв дверь ногой. В одной руке чайник, в другой – тарелка с фруктами.

– Витамины в студию! – прикрыла попой дверь, и со стуком поставила все на столик. – Хочешь, на кухню пойдем, там маман твоя стенает, ждет дочурку?

Альбина демонстративно промолчала.

– Я, конечно, шибко извиняюсь, но может, ты хоть мне скажешь, что стряслось? – подруга смотрела в упор из-под козырька наклеенных ресниц. – Мне-то можно, я ж не они! – кивок в сторону закрытых дверей.

Альбина нахмурилась, схватила кусок торта, запихнула в рот целиком и принялась жевать.

– А-а... – протянула Ксюха, – в этой серии героиня пыталась себя по-киевски. – Разлила чай по чашкам и начала громко прихлебывать.

– Хватить чавкать! – не выдержала Альбина. – Раздражаешь. Из рта выпал кусок.

Ксюха хмыкнула, вытянула губы трубочкой и шумно втянула чай:

– Горячий, зараза!

Альбина принялась за виноград. Еда – отличный повод заткнуть Ксюху и молчать самой. В дверь постучали. Альбина замерла. Вошла мама.

– Все в порядке у вас? – на улыбающемся лице выделялись заплаканные глаза.

– Ага, все чики-пуки, Ольга Львовна. Пациент скорее жив, чем мертв. – Ксюха подмигнула Альбине. Та отвернулась.

– Ну, не буду мешать, – мама тихо вышла.

– Видишь, какой ты шорох своими истериками навела? – Ксюха сдвинула брови. – На себя пофиг, о родителях подумай, маман вон осенью с сердцем лежала в больнице. Забыла уже?

Альбина заерзала:

– Отстань от меня, – положила гроздь винограда на тарелку, встала и подошла к окну.

Вспомнила вчерашний переполюх, и стыд полыхнул жаром по щекам. Стыд перед родителями, соседями, Ксюхой, тетей Зиной и всем миром. Неловкость и жалость к себе проснулись и требовали покормить их болтанкой из свежих мыслей. Сжала зубы и тяжело вздохнула.

– Так, – Ксюха загромыхала посудой, – хватить сопли жевать. Стул ставь сюда.

Альбина хотела возразить, но как представила, что сейчас начнется, решила не рисковать. Взяла стул, стоявший у кровати, и поставила на середину комнаты.

– Халат снимаем, лифчик надеваем, – Ксения копалась на полках шкафа. – Где он? А, вот! – швырнула бюстгальтер и попала прямо Альбине в лицо. – Соррян, не хотела задеть вас, мисс Печальная Панда. – насмешливо подняла руки.

– Сама ты панда! – огрызнулась Альбина.

– Я? Не-е-а, это у тебя черные пятна под глазами, будто ты веки местами перепутала, прежде чем накрасить.

Альбина шумно засопела, а Ксюха хмыкнула и протянула платье:

– Едет, едет паровоз, две трубы и сто колес, две...

Альбина не выдержала:

– Слушай, ты меня оскорблять приехала?

– Вот такая ты мне больше нравишься, подруга! – Ксюха уже кружила вокруг с портняжными ножницами и сантиметровой лентой. – Не шевелись, а то заколю булавками.

После примерки Ксюха буквально силой выволокла Альбину на кухню. Стол накрыт скатертью. Посуда праздничная. Папина фирменная дачная наливка.

Мама засуетилась:

– Садись, я твои любимые перчики нафаршировала, блинчики испекла.

Альбина села на краешек стула, выпрямив спину.

– Наливку будешь? – заговорил отец.

– Не надо! – возразила мама, прикрывая Альбинин бокал.

– А вот я выпью, – цокнула языком Ксюха, – у вас, Андрей Ильич, она отменная получается.

Отец сдержанно улыбнулся и наполнил Ксюхину рюмку.

В коридоре зазвонил телефон. Мама быстро выскочила из кухни. Ксюха хлопнула Альбину по спине:

– Расслабься, как кол проглотила. И улыбнись, – наш праздник все-таки.

Альбина встала и пересела подальше от Ксении:

«Посидеть я с вами посижу, а повода для праздника не вижу».

Мама вернулась с озабоченным лицом:

– Екатерина Матвеевна звонила...

– Кто такая? – Ксюха хрустела соленым огурцом.

– Соседка. Через две дачи живет, – ответила мама машинально и повернулась к отцу. – Там мальчик на днях утонул. Степаниды деревенской внучок. Помнишь, смысленый такой? С собакой к нам забегал. Я еще их яблоками угощала. Вот горе-то...

Альбина громко вскрикнула, словно получила удар током.

– Ты чего? – Ксюха уронила огурец. – Напугала.

Альбина чувствовала, как немеют руки и ноги. В горле пересохло, ей не хватало воздуха, живот свело.

Мама смотрела на нее с испугом:

– Что с тобой?

Альбина часто заморгала:

– Мальчик... – мыслями она снова была на озере. Снова вытаскивала Симеона из воды. Снова распахнутые глаза цвета неба смотрели невидящим взором. Положив руки на стол и опустив на них голову, она разрыдалась.

Отец вскочил, сел рядом и обнял за плечи:

– Не держи в себе, расскажи. Полегчает.

Альбина подняла голову и прижалась к отцу. Всклипывания мешали говорить, но она, глотая слова, словно боясь передумать, поведала о том страшном дне. Мама охала. Ксюха оторопело выговорила: «Ни фиги себе!», а отец еще крепче обнял.

Альбина обессилела. Беспомощно переводила взгляд с отца на маму, ожидая сама не зная чего. Тишина. Только тикали настенные часы. Альбина уставилась на них. Гладко отполированный деревянный круг и веселые разноцветные шарики вместо цифр. Стрелки в виде ножа и вилки показывали половину десятого. Вспомнила, как мастерили их с отцом в прошлом году на день рождения мамы.

«Часы. Время. Время, которого больше никогда не будет у Симеона», – безжалостно расстреливали мысли.

Заговорил отец:

– Да. Это большое горе. Смерть детей. Они для жизни, а тут смерть... – наполнил наливкой бокалы, молча отодвинув мамину руку, закрывшую было бокал Альбины. – Помянем.

Альбина всхлипывала. Мама поглаживала ее по плечу. Ксюха теребила край скатерти и смотрела на тарелку. Отец отодвинул рюмку и произнес, глядя на что-то, зримое только ему:

– Я не рассказывал тебе, Оля. У матери до меня был сынок. Левушкой звали. Это мне батя перед смертью поведал, что Ангел в роду есть. А она всю жизнь молчала...

Отец встал и начал мерить шагами кухню:

– В сорок первом отец на фронт ушел. А мать с Левушкой за Урал решила пробираться, к родне. На станции оставила пацаненка с вещами, а сама к начальнику пошла. Выпрашивать место в эшелоне. Вернулась не сразу, замешкалась. На перроне толпа. Народ бурлит: «Да что ж за тварь такая, малютку бросила!» И голос, голос знакомый причитает: «Мамочка, где ты, мамочка!» Мать кинулась к Левушке, схватила и в слезы. Кровинушка родная. Жизни дороже.

Альбина слушала затаив дыхание.

– В эшелоне со scarлатиной ехали. Заразился мальчонка. Двух лет не было. А говорливый. О жизни рассуждал. Перед смертью мать утешал. Вы живите, говорит, мамочка, да радуйтесь. Жить – оно хорошо...

Отец вздохнул:

– Она не хотела рожать после этого. Я поздний получился, – он помолчал, хрустнул суставами пальцев.

Ксюха всхлипывала. Мама тоже плакала.

– Мать всю жизнь голову платком покрывала и водки не пила, – отец шумно вздохнул. – Такая вот штука... Люди и войну, и голод прошли.

Альбина встала, молча подошла к отцу и уткнулась в его широкую грудь. Он обнял и похлопал по спине:

– Ну все, все. Поплакали и будет. А мальчик тот, деревенский... Ну, знать судьба так решила, что не жилец.

Хотелось верить словам отца, что все просто: жизнь, смерть. Судьба, и все такое. Но изнутри выжигала мысль, что в гибели Симеона виновата не война. И не судьба. А только она, Альбина.

Ксюха тихо похрапывала на раскладушке. Альбина смотрела в потолок. Световые полосы пробегали по нему, пробиваясь сквозь неплотно задернутую штору. Сна не было. История с Левушкой не отпускала. Мальчик. Еще меньше, чем Симеон. Мать всю жизнь ходила в платке. Что она чувствовала? Жутко представить даже...

«Я чужого мальчика не спасла, а тут родного ребеночка потерять...»

Страх. Кругом один страх.

«Платок!» – Альбина встала, босиком проскочила в коридор и залезла в Ксюхину портняжную сумку. Достала ножницы и заперлась в ванной.

«Платок. Их не носят сейчас. Но, волосы...» – Альбина спокойно наблюдала, как в зеркале девушка с худым лицом и заплаканными глазами методично отрезала прядь за прядью. Так лучше. Честнее.

Но платок... Он не давал ей покоя. Покончив с волосами, выбросила их в мусорку на кухне, оделась и бесшумно выскользнула из квартиры.

Ночная Москва жила полной жизнью. Куда люди едут круглые сутки? Две ленты из красно-белых огней медленно двигались навстречу друг другу.

Альбина пересекла площадь и вошла в торговый центр. Бездушные манекены с одинаковыми лицами зазывали модной одеждой, ладно сидящей на их среднестатистических плечах.

«Сюда».

Заспанная девушка моментально надела на лицо услужливую улыбку:

– Вам помочь? У нас распродажа сегодня. В честь восьмого марта. Последняя коллекция, – затараторила заученные фразы.

Альбина растерялась. Бутик пестрел всеми цветами радуги.

«Как мой этюдник на пленэре... Не думать, только не о живописи...» – она торопливо обводила взглядом напольные вешалки.

– А черное у вас есть?

– Конечно, – девушка провела ее в дальний угол, – вот, коллекция прошлого года. Черный в тренде был. – Она окинула быстрым взглядом Альбину и протянула юбку макси. – Ваш размер.

«Иди на фиг со своими трендами-брендами!»

Альбина разозлилась и хмуро выдавила:

– Мне свитер еще. И пальто.

Девушка засуетилась:

– Минуточку, – исчезла и почти сразу вернулась с вещами. – Пройдемте в примерочную.

– Мне не надо. Я так беру, – Альбине хотелось поскорее покончить с этим и уйти.

– Ну, – девушка обошла вокруг нее, – думаю, подойдет.

Альбина выхватила одежду:

– Где платить?

– Касса там, – обиженно протянула девушка.

Кредитки в кармашке сумки не оказалось. Альбина вспомнила, что отдала ее Ксюхе, чтобы та купила фурнитуру для платья.

«Растяпа!» – выбежала из магазина и понеслась домой.

В прихожей горел свет. Мама в ночной сорочке. В руках пакет с отрезанными волосами.

Увидев Альбину, она прошептала, расширив от ужаса глаза:

– Аля, – губа подрагивала, – что ты наделала?

– Волосы обстригла, – буркнула Альбина, роясь в Ксюхиной сумке. Нашла кредитку и, не дослушав причитания, выбежала из квартиры.

– Как нет? – Альбина остолбенела, – меня час всего не было!

Девушка еле скрывала злорадство:

– Вы убежали, а у меня покупатели. И вещи им тоже понравились.

– Но я же первая пришла! – возмущалась Альбина.

– И ушли тоже первая! – парировала продавщица. – Я вам не экстрасенс, мысли читать.

Вы ж не просили отложить, а теперь виноватых ищите!

– Я не... – Альбина осеклась на полуслове, с минуту смотрела на девушку и резко развернулась к выходу.

Она бродила по городу до утра. Войдя в вагон метро, села, скрестив ноги, и уставилась в пол.

«Я пыль. Нет, ее заметно, когда долго не убираешься. Я пустое место. Простейших вещей не могу сделать. Ни на что не гожусь. И Симеона не спасла...»

Вымотанная, голодная, шла, не замечая ни тычков спящих на узком тротуаре прохожих, ни сигналов машин.

– Куда прешь, дура?! Жить надоело?!

Автомобильный гудок вырвал из забытья. Альбина остановилась. Проезжая часть. Из открытого окна легковушки высунулась голова водителя с выпученным взглядом.

«Жить? Надоело ли мне жить?» – вопрос показался очень странным.

– Я не живу! Я существую! – закричала она на всю улицу.

– Больная! Тебе лечиться надо! – водитель снова просигналил, объехал Альбину и скрылся из виду.

Глава IV

Стас бежал босиком по холодному кафельному полу. Длинный узкий коридор маячил перед глазами. Собственная тень преследовала по серым стенам и потолку, иногда пропадая в тусклом подобии электрического света, проникавшего из дверных проемов. Хлесткие, как звук пощечин, шлепки ступней вперевивку с глухими ударами в груди. И музыка...

Фальшивый тенор надрывался на высоких нотах. Кто-то отвратительно пилил струны виолончели, заставляя ныть зубы. Беспорядочное завывание гобоев стремилось заглушить протяжные стоны то ли женщин, то ли детей, то ли мучимых кошек.словно хлюпающий присвист кнута по коже, полоснуло слух глассандо флейты-пикколо.

«Где воздух?» – в горле саднило. На грани сознания пульсировало ощущение, что стоит вырвать из мучительной какофонии всего лишь один знакомый мотив, и попытка закончится. Но всякий раз, когда, казалось, вот сейчас он услышит мелодию, происходил сбой.

«Надо ее закрыть, – Стас остановился и дотронулся до двери. – Черт!» – тело болезненно тряхануло от удара тока. Кожу обожгло. Ладонь покраснела и покрылась волдырями. Кое где они прорвались. Из ранок сочилась сукровица. Стас достал салфетки из кармана спортивных штанов. Морщась от боли, огляделся, пытаясь сообразить, что делать дальше.

В конце коридора зарождался странный звук. Черный клубок со вспыхивающими белыми точками заполнял пространство, поглощая прямоугольники света на полу. Гул, похожий на жужжание сотен пчел, стремительно приближался, и клубок на глазах превращался в огромную гудящую воронку.

«Что за...»

Руку резануло. Он повернул голову и увидел на плече непонятное существо, похожее на жука величиной с крупную фасолину. Несообразно большая черная голова. Толстое мохнатое тельце. На хитиновых надкрыльях мерцала надпись «си-бемоль».

«Какого черта?!» – Стас попытался смахнуть насекомое. Громкий писк – и боль стала сильнее. Тварь вгрызалась в кожу. Стас вытер капли пота со лба, с силой отодрал мерзкого жука и отшвырнул от себя. По руке потекла тонкая алая струйка.

Из открытых дверей вылетел и понесся на него целый рой – словно нашествие саранчи. Спертый воздух наполнился стрекотанием сотни крыльев со вспыхивающими на них знаками альтерации.¹⁰ Цепляясь длинными узловатыми лапками за ткань майки, за волосы, насекомые норовили ужалить.

«Отвали!» – Стас побежал, корчась от омерзения, и отмахиваясь от кровососущих, почувствовавших присутствие жертвы. Под ногами хрустело и чавкало. Пятки защищало от ядовитых внутренностей раздавленных гадин. В мозг впивался пронзительный лязг, похожий на звук рвущихся натянутых до предела струн...

Провал в темноту.

... С самого утра моросит дождь. Стас сидит за письменным столом, позабыв про раскрытый учебник. Замерев, считает сползающие по стеклу крупные капли.

«Сначала она маленькая, легкая. И вот к ней другая течет. Потом еще одна. И сливаются в ручеек».

¹⁰ Знаки альтерации – знаки музыкальной нотации (подразумевается, как правило, 5-линейная тактовая нотация), указывающие на повышение или понижение какого-либо звука без изменения его названия. Основные знаки альтерации – диез, бемоль и бекар

В соседней комнате мама музицирует. Шопен. Прелюдия. Зеленоватая, как покрытое ряской озерцо в деревне у бабки Вадика. Стас улыбается, вспоминая, как они убежали от крикливой Петровны, заставлявшей пропалывать грядки, засеянные горошком, и вместе с деревенскими мальчишками обстреливали пластмассовыми пулями огромных жирных лягушек. Тоже зеленых.

«Хор Жабецкого», – так ребята прозвала оголтелые концерты, заглушавшие детскую переключку и смех.

Музыка становится громче. И вот уже стремительные пассажи разлетаются по клавиатуре. Посвист юрких ласточек. Они рассекают острыми крыльями пахнущий озонем воздух, лавируя между низкими сизыми тучами. Бесстыжий ветер по-хулигански дерзко поднимает подол цветастых платьев, и стайки девушек, прикрывая головы пакетами, спешат спрятаться от грозы под навес автобусной остановки. Буйство фиолетового вперемешку со всполохами красного...

Темнота. Жар. Хочется пить. Сильная пульсирующая боль в голове вернулась. И снова память отбросила в детство.

... Вечер. Лето. Стас сидит на веранде за столом и с удовольствием чешет о резную ножку стула комариный укус на щиколотке. В тарелке дымится ароматная гороховая каша с постным маслом и веточкой петрушки. Стас привстает, опираясь на локти, отодвигает накрахмаленную занавеску и наблюдает за бьющейся об оконную раму мухой.

«Глупая, надо туда лететь», – он указывает на дверь.

У калитки Лина Борисовна разговаривает с соседкой. Голова в ажурной вязаной шапочке мерно покачивается.

«Раз, два, раз, два», – Стас дирижирует.

Как весело! Оказывается, у него получается повелевать строгой учительницей, будто она – кукла на веревочках. Стас поворачивает голову и показывает язык сидящему за стеклянной дверцей буфета печальному Пьеро с нарисованными на тряпичном лице слезами.

Дверь в гостиную приоткрыта. Мама начинает играть что-то очень печальное и подпекает тихим бархатным голосом:

«И ты ко мне вернешься – мне сердце говорит, мне сердце говорит...»¹¹

Стас замирает. Тайнственная дымка заволакивает веранду, погружая предметы в мягкий туман цвета черемухового настоя. Мама всегда заваривает его, когда у Стаса болит живот. Рот мгновенно наполняется слюной, ощутив терпкий привкус ягод.

И печка, и сердитые блестящие калоши Лины Борисовны, и круглый пестрый вязанный коврик у порога – все постепенно исчезает. Стас вытягивает руку, и вот уже она чуть просматривается сквозь сомкнутые ресницы. Невыразимо хочется плакать. Внутри все сжимается от непонятной тревоги.

«Кто вернется к нам? Кто?» – гадают Стас, потирая защепавшие глаза. Он знает, что никогда не задаст этот вопрос.

Мама часто сажала Стаса на колени, когда играла. Он чувствовал себя сказочным королем на троне. Таяли стены комнаты, раздвигался потолок. Все вокруг переставало существовать, превращаясь в половодье радужных звуков. Стас начинал подпрыгивать и болтать ногами в такт.

¹¹ Песня Сольвейг из драмы «Пер Гюнт», слова: Г. Ибсен; музыка: Э. Григ

«Стасик, не мешай!» – мама в шутку сердилась и принималась тискать его. Отражение в полированной стенке пианино строило смешные гримасы.

Неожиданно мама поднимала руки. С минуту тонкие длинные пальцы с похожими на лепестки миндаля ногтями подрагивали, а потом яростно обрушивались на клавиши. Темно-серебристые стремительные раскаты, как шарики ртути из нечаянно разбитого градусника, рассыпались по полу, закатывались под диван, под стулья. Сердце Стаса билось испуганной птахой, он хватал подол маминого платья.

– Испугался? – ее локоны щекотали ухо.

Стас мотал головой:

– Серый ежик! – он растопыривал пальцы, изображая иголки.

– Революционный этюд Фредерика Шопена, – мама смеялась и сжимала Стаса в объятьях, а он, припав к ее груди, слушал, как сильно стучит сердце. И в этом ритме ему тоже чудилась музыка...

Стасу – пять. Он это точно помнит! На вопрос «сколько тебе лет», мама научила показывать ладошку и говорить «вот сколько!» Он сидит за детским столиком и сосредоточенно раскрашивает карандашами грузовик.

Мама заходит в комнату, вытирая руки полотенцем, садится на стул у пианино.

– Хочешь узнать, как называются ноты?

Стас откладывает рисунок, вскакивает и подбегает к инструменту. Откидывает тяжелую крышку и тычет в самую нижнюю ноту «до».

– Эта – красная, – он быстро пробегает указательным пальчиком по всем «до», переходя от октавы к октаве.

– Красная? – мама удивленно поднимает брови. – А почему?

– Она горячая, как огонек, – Стас осторожно гладит клавиши. – А эта – желая, только не лимон, а большой цыпленок, – он поднимает руки и подтягивается на носочках.

Стас с упоением объясняет маме, почему «си» – блекло розовая, а «фа» – всегда довольная, с хитрой лисьей мордочкой. Как в сказке про зайку.

Мама подходит к фортепиано, садится, разворачивает Стаса спиной к себе и начинает играть по одному звуку, вразной.

В голове у Стаса пляшет радостный хоровод, а в глазах рябит от быстрой смены цветных пятен.

Мама поднимает голову и тихо говорит отцу, стоящему в дверях:

– Это невероятно. У него абсолютный слух.

Отец улыбается. Пожимает плечами и разводит руки в стороны, а Стас пугается, словно у него нашли неизлечимую болезнь, начинает всхлипывать и косится на маму. Она бережно притягивает к себе, обнимает и целует в висок. Стас прижимается к ее воротничку, вдыхает фиалковый запах, и ему снова хорошо...

– Доктор, он очнулся! – знакомый раскатистый баритон.

Хлопнула дверь. Шаги. Стас с трудом разомкнул веки. Белый потолок, белые стены. Едко пахнет лекарствами. Монотонное пиканье. Грудь облепили электроды. Он попробовал встать, и тут же получил сильный болезненный пинок в затылок. В голове словно перекатывался тяжелый шар с острыми шипами, а перед глазами плавали червячки. Яркий пучок света ослепил. Стас застонал.

– Вы меня слышите? – проявилось и приблизилось размытое пятно. Запястье сжали.

– Ты с нами, дружище?

«Вадим».

Стас снова попытался поднять голову, но к горлу подкатила тошнота. Сердце принялось отбивать барабанную дробь. Светло скулы. Появилась ноющая тупая боль в груди.

– Лежите, молодой человек, – расплывчатая фигура у стены оформилась в лысого плотного старика с коротко стриженной бородкой, выпуклыми, как у рыбы, глазами, строго глядящими поверх очков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.